

Хотите быть герцогиней?

Автор:

[Тесса Дэр](#)

Хотите быть герцогиней?

Тесса Дэр

Очарование (АСТ)

Джордж Пембрук, герцог Эшбери, вернулся с полей сражений покрытый шрамами и совершенно уверенный: эти шрамы приведут в ужас любую девушку. Однако ему необходимы супруга и наследник, и потому бедная юная модистка Эмма Гладстон, однажды появившаяся у него в библиотеке, получает невероятное предложение...

Условия герцога просты: никакой романтики, ничего личного. Как только Эмма родит сына, она избавляется навсегда от выполнения супружеского долга.

Подумав, девушка соглашается, но герцог и не подозревает: она надеется изменить этого печального и сурового человека и доказать ему – нет на свете шрамов, которые не исцелили бы любовь, нежность и веселый смех.

Тесса Дэр

Хотите быть герцогиней?

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Tessa Dare

THE DUCHESS DEAL

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Eve Ortega, 2017

© Перевод. Е. Ю. Елистратова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Читать любовные романы Тессы Дэр – одно удовольствие. Они увлекательны, полны искрометного юмора, изящества и подкупают искренностью чувств.

Глава 1

К тому времени, когда ей исполнилось двадцать два, Эмма Гладстон усвоила несколько суровых уроков.

Прекрасные принцы не всегда оказываются теми, кем кажутся. После крестовых походов сверкающая броня благородства вышла из моды. А что касается фей, если они еще существуют, так ее фея-крестная припозднилась на несколько лет.

Что тогда девушке остается? Спасаться своими силами.

В сегодняшний полдень выдался как раз такой случай.

Перед Эммой возвышался Эшбери-Хаус, занимая южную сторону фешенебельного Мейфэра. Элегантный. Огромный.

И наводящий ужас.

Эмма проглотила стоявший в горле ком. Она сумеет это сделать! Несколько лет назад она прибыла в Лондон одна-одинешенька. В сердце ее поселилась колючая зима. Но она решительно не желала отступить перед угрозой голодной смерти. Нашла работу, начала новую жизнь в этом огромном городе.

Сейчас Эмма готова проглотить самую большую иголку в швейной мастерской мадам Биссетт, только бы не ползти на коленях обратно в отцовский дом.

Вот и получилось: по сравнению со всем, что ей пришлось пережить, постучать в дверь герцогского особняка – пара пустяков. Ей только и нужно, что расправить плечи, проникнуть за кованую решетку ворот, бодро подняться по гранитным ступенькам – право же, их не так уж много – и постучать в массивную, покрытую богатой резьбой дверь.

«Добрый день. Я Эмма Гладстон. Мне нужно повидать таинственного затворника – герцога Эшбери. Нет, мы не знакомы. Нет, у меня нет визитной карточки. У меня вообще ничего нет. Возможно, завтра у меня не окажется и крыши над головой, если вы меня не впустите...»

О господи, с этим далеко не уедешь.

И Эмма с жалобным стоном повернула от ворот прочь, чтобы в десятый раз обойти площадь, растирая под плащом замерзшие без перчаток руки.

Нет, она обязана попытаться!

Замедлив шаг, девушка встала лицом к воротам, сделала глубокий вдох и закрыла ладонями уши, чтобы не слышать, как бешено стучит ее бедное сердце.

Дело шло к вечеру. Никто не придет ей на помощь. Значит, колебаний быть не может, как не может быть и пути к отступлению.

На старт. Внимание. Вперед!

Сидя в библиотеке за столом, Эшбери услышал непривычное треньканье. Неужели стучат в дверь? Вот еще раз. Точно. И что всего хуже, стучали в дверь его собственного дома. Чертовы сплетники...

Всего несколько недель назад герцог вернулся в Лондон. Но в этом городе слухи распространяются со скоростью пули. У него не было ни времени, ни терпения, чтобы выслушивать всех желающих совать нос в чужие дела. Кто бы ни явился к нему на порог, визитер будет быстро спроважен Ханом.

Окунув в чернильницу перо, герцог продолжил писать письмо, адресованное поверенным:

«Не знаю, какого черта вы делали все эти годы, однако состояние своих дел я нахожу весьма плачевным. Немедленно увольняйте управляющего йоркширскими имениями. Скажите архитектору, что я желаю взглянуть на планы новой мельницы, хотя они были нужны мне еще вчера. Да, есть еще одно дело, которым следует заняться безотлагательно...»

Эшбери помедлил, перо замерло в его руке. Ему не верилось, что вот сейчас он выведет эти слова на бумаге. Они внушали ему ужас. Однако нужно же покончить с этим делом.

«Мне нужна жена».

Он подумал, что надо обозначить свои требования. Это должна быть женщина детородного возраста, приличного происхождения, которой срочно требуются деньги и которая захочет разделить ложе с мужчиной, обезображенным шрамами.

Короче говоря, женщина, чье положение отчаянно.

О господи, как все же это мрачно. Лучше ограничиться одной строкой: «Мне нужна жена».

В дверях появился Хан – его дворецкий.

– Ваша светлость, простите, что нарушаю ваш покой, но там молодая особа – почему-то в подвенечном платье – желает вас видеть.

Эш поглядел на дворецкого. Затем на слова, которые только что написал. Потом снова на дворецкого.

Ну просто колдовство какое-то! Возможно, его поверенные не такие дармоеды, как он думал. Герцог отложил перо и забросил на стол ногу в сапоге, откинувшись на спинку кресла и пряча лицо в тени.

– Что ж, проводи ее сюда.

В комнату вошла молодая женщина в белом одеянии.

Эш проворно убрал со стола ногу и отвернулся так поспешно, что чуть было не ударился лицом о стену. С ближайшей полки свалилась папка с бумагами, и листки рассыпались по полу точно снежные хлопья.

Он был ослеплен, но вовсе не красотой гостыи, хотя девушка, весьма вероятно, была красива. Судить о ее красоте оказалось невозможным, потому что на ней было невообразимое платье – чудовищное нагромождение жемчуга, кружев, бриллиантов и бусин.

Боже всемогущий! Для него было странно находиться рядом с чем-то таким, что вызывало еще большее отвращение, чем его собственная внешность.

Упираясь локтем о правый подлокотник кресла, Эшбери поднес ладонь ко лбу, чтобы спрятать шрамы на лице. В данном случае он и не думал щадить чувствительность слуги или собственную гордость. Он просто закрылся от... от всего этого.

– Простите, ваша светлость, что врываюсь к вам подобным образом, – сказала молодая особа, чей взгляд был устремлен в угол персидского ковра.

– Надеюсь, ваши извинения искренни.

– Видите ли, мое положение просто отчаянное.

– Я так и понял.

– Вы должны заплатить мне за работу, и притом немедленно.

Эшбери замер.

– За вашу... работу?

– Я портниха и сшила вот это... – Она обвела руками свое шелковое безобразие. – Для мисс Уортинг!

Для мисс Уортинг?..

Эшбери догадался. Кошмар из белого шелка предназначался для его бывшей невесты. В это верилось легко. У Аннабел Уортинг всегда был дурной вкус. Это касалось и платьев, и потенциальных мужей.

– Когда ваша помолвка была разорвана, мисс Уортинг не стала забирать платье. Она дала деньги на шелк, на кружева и на все остальное, но не заплатила за шитье. То есть мне не заплатили за работу. Я пыталась пробиться к ней, приехала в дом Уортингов, но безуспешно. Мои письма к вам обоим остались без

ответа. Тогда я подумала: если появлюсь вот в таком виде... – Девушка расправила складки блестящего сугроба. – Меня невозможно будет не заметить.

– В этом вы правы. – Сейчас кривилась даже здоровая половина его лица. – С ума сойти! Будто в мануфактурной лавке произошел взрыв и вы пали его главной жертвой.

– Мисс Уортинг желала платье, достойное герцогини.

– Это платье, – пробурчал Эшбери, – смахивает на люстру в публичном доме.

– Ваша бывшая невеста отличалась... экстравагантным вкусом.

Герцог подался вперед в своем кресле.

– Я даже не могу оценить всю эту красоту целиком. Похоже на отрывку единорога. Или на шкуру снежного человека, который, по слухам, нагоняет страх на обитателей Гималаев.

Она возвела глаза к потолку и тяжело вздохнула.

– Что? – спросил Эшбери. – Только не говорите, что вам самой это нравится.

– Какая разница, ваша светлость, отвечает это платье моим вкусам или нет. Я все равно горжусь своим трудом – на это платье ушли многие месяцы работы.

Теперь, опомнившись от зрелища ее кошмарного наряда, Эш наконец обратил внимание на собственно юную особу, которую этот жуткий наряд совершенно затмил.

Девушка могла украсить собой любое платье: цвет лица – сливки, губы – лепестки розы, ресницы – опахала.

И характер, вероятно, стальной.

– Только одна эта вышивка... Я трудилась неделю, чтобы довести ее до совершенства. – Кончиками пальцев девушка провела вдоль выреза корсажа.

Герцог проследил за ее пальцами. Но не вышивка занимала его. Он видел ее грудь – небольшие соблазнительные бугорки, безжалостно стиснутые корсажем платья. Они ему понравились, как и ее решительное настроение, которое заставило ее грудь взволнованно вздыматься.

Эш поднял глаза выше, оценил и стройную шею, и копну зачесанных вверх каштановых волос. Одного вида ее строгой прически было достаточно, чтобы у мужчины появилось желание выпустить на свободу эти буйные пряди, вынимая шпильки одну за другой.

«Держи себя в руках, Эшбери!»

Вряд ли девица настолько красива, как кажется. Несомненно, все дело в контрасте с этим отвратительным платьем. К тому же Эш давно уже живет затворником...

– Ваша светлость, – продолжила гостя. – Мое ведро для угля совсем пустое, в кладовке сыщется лишь несколько заплесневевших картофелин, а сегодня истекает срок квартальной платы за жилье. Хозяин грозился выбросить меня на улицу, если я не заплачу всю сумму. Мне нужно получить то, что я заработала. И дело очень срочное. – Она протянула руку. – Прошу вас. Два фунта три шиллинга.

Эшбери смотрел на нее, сложив руки на груди.

– Мисс?..

– Гладстон. Эмма Гладстон.

– Мисс Гладстон, вы, кажется, не понимаете, как это выглядит со стороны. Вы нарушили покой и уединение герцога. Вам следовало сгорать от стыда, а еще лучше – дрожать от страха. Однако я не наблюдаю ни заламывания рук, ни страха, ни дрожи. Вы точно простая портниха?

Девушка показала ладони – на подушечках пальцев едва зажившие порезы и мозоли. Убедительное доказательство, вынужден был признать Эш, но до конца она его не убедила.

– И все же вряд ли вы были рождены в бедности. Слишком хорошо вы держитесь, и у вас хорошие зубы. Я бы предположил, что вы еще в нежном возрасте остались сиротой в результате какого-то ужасного случая.

– Нет, ваша светлость.

– Вас кто-то шантажирует?

– Нет, – выдохнула Эмма.

– Вам приходится посылать деньги на содержание незаконнорожденных детей, и вас этим шантажируют?

– Нет.

Он щелкнул пальцами.

– Допустим, ваш отец распутный повеса, в долговой тюрьме или спускает деньги на джин и продажных девок.

– Мой отец – приходской священник в Хартфордшире.

Эшбери задумался. Приходские священники относились к благородному сословию.

– Как может дочь джентльмена очутиться в швейной мастерской и орудовать иглой, стирая в кровь пальцы?

Наконец-то Эш увидел, как дрогнула решимость его гостя. Она потерла кожу за мочкой уха.

– Иногда жизнь принимает непредсказуемый оборот.

- Ну, это еще слабо сказано.

Судьба точно безжалостная ведьма. Уж кому, как не Эшбери, это знать. Он повернулся в кресле и протянул руку к сейфу, скрытому за письменным столом.

- Простите. - Ее голос смягчился. - Должно быть, разорванная помолвка стала для вас большим ударом. Мисс Уортинг показалась мне прекрасной молодой леди.

Эш отсчитал деньги, сложив монеты в свою ладонь.

- Если вы успели провести некоторое время в ее обществе, то знаете...

- Тогда, может быть, это к лучшему, что вы на ней не женились.

- Да, не иначе как у меня замечательный дар предвидения, если я обезобразил себе лицо еще до свадьбы. Вот была бы незадача, если бы я затянул с этим делом и мы успели пожениться!

- Обезобразили себе лицо? Простите, ваша светлость, но вы не сгущаете краски?

Эшбери щелкнул замком, закрывая сейф.

- Аннабел Уортинг отчаянно желала выйти замуж за человека титулованного и богатого. Я герцог и вдобавок неприлично богат, но тем не менее она меня бросила. Что я сгущаю?

Он встал и повернулся к ней обезображенной стороной лица, предлагая увидеть его в полном уродстве. Письменный стол стоял в самом темном углу библиотеки - и не случайно. Тяжелые бархатные занавеси почти не пропускали в комнату солнечный свет, однако такие страшные шрамы, как у него, мог скрыть только полный мрак. Участки кожи, избежавшие огня, были искромсаны сначала ножом хирурга, затем в те жуткие недели, когда он страдал от лихорадки и нагноений. На всей правой части его тела, от виска до бедра, не было живого места - сплошные рубцы да пороховые ожоги.

Мисс Гладстон притихла, но надо отдать ей должное, в обморок не упала, с воплями вон из комнаты не бросилась и воздержалась от того, чтобы извергнуть содержимое желудка на ковер. Приятное разнообразие по сравнению с тем, как его обычно принимали.

- Как это случилось? - спросила Эмма.

- Война. Следующий вопрос?

Помолчав с минуту, она тихо сказала:

- Прошу вас, просто отдайте мне деньги.

Он протянул ей руку с деньгами. Она тоже протянула руку, чтобы взять деньги.

Эш сомкнул ладонь, зажав монеты.

- Но сначала отдайте мне платье.

- Что?

- Если я оплачиваю ваш труд, то хочу получить платье, - это справедливо.

- Зачем оно вам?

Он пожал плечами:

- Я пока не решил. Могу пожертвовать его приюту для отставных танцовщиц, бросить в Темзу, чтобы порадовать угрей, повесить над дверью парадного, чтобы отгонять злых духов, - вариантов много!

- Я... Ваша светлость, я могу распорядиться, чтобы его доставили вам завтра, но деньги мне необходимы сегодня.

Он прищелкнул языком.

– Это уже будет заем, мисс Гладстон. А я не занимаюсь денежными ссудами.

– Так вы хотите получить платье прямо сейчас?

– Только если вы желаете прямо сейчас получить деньги!

Она сверлила его взглядом своих темных глаз, явно ужасаясь низости его натуры. Но он только пожал плечами. Да, он виновен – по всем пунктам обвинения. Чертовски огорчительно остаться изуродованным на поле боя лишь по прихоти злого случая. Некого винить – некому и мстить. Лишь тлеющая в душе горечь, из-за которой его всегда подмывало отыграться на том, кто подвернется под руку. О нет, он не был жесток – разве что человек действительно и несомненно заслуживал наказания. Обычно Эшбери ограничивался тем, что получал извращенное удовольствие от собственных издевок.

Если уж ему суждено выглядеть чудовищем, так почему бы не сыграть соответствующую роль?

К сожалению, эта модистка не желала изображать дрожащую мышь. Ну просто ни малейшего замешательства, что бы он ни сказал! И если девица до сих пор не сбежала от ужаса, то, вероятно, уже не сбежит.

К счастью для нее.

Эшбери был уже готов вручить ей деньги и попрощаться – и с ней, и с платьем – самым любезным образом, да только не успел, потому что она решительно выдохнула:

– Хорошо.

Ее пальцы нащупали боковую застежку. Она начала расстегивать крючки, спрятанные в боковом шве лифа. Один за другим. Расстегнутый лиф уже не так туго сдавливал грудь, и она обрела естественную полноту. Рукав упал с плеча, прикрытого тончайшей тканью сорочки. Темная прядь выбилась из прически, щекоча ключицу.

Господи боже мой!

- Прекратите.

Замерев, она подняла голову.

- Прекратить?

Герцог грубо выругался про себя. Он еще должен повторять?

- Прекратите!

Ему с трудом верилось, что ему достало приличия сказать это сразу же, не то увидел бы спектакль, предназначенный ему одному, по цене два фунта три шиллинга. Гораздо выше существующих расценок, но дело того стоило, поскольку девушка была очень хорошенькой.

Кроме того, она была дочерью священника. Эш всегда мечтал соблазнить дочь священника. Если честно, какой мужчина не желал бы этого? Тем не менее не такой же он негодяй, чтобы добиться этого путем шантажа.

И тут герцога осенило. А если – кто знает? – он сможет воплотить мечту в действительность? Лучше, конечно, иным, не столь жестоким способом... И он снова оглядел Эмму Гладстон, теперь с новой точки зрения, перебирая в уме список требований, сформулированных в своем незаконченном письме.

Она была молода и здорова. Образованна. Она была дочерью джентльмена и в придачу чуть не разделась перед ним добровольно.

И самое главное, она явно находилась в отчаянном положении.

Она подойдет.

Если угодно, его гостья была самой подходящей кандидатурой.

– Выбирайте, мисс Гладстон. Я могу заплатить вам два фунта три шиллинга. – Он выложил на стол стопку монет, и она алчно уставилась на деньги. – Или, – продолжал он, – я могу сделать вас герцогиней.

Глава 2

«Герцогиней?»

Что ж, кое за что Эмма была ему благодарна. По крайней мере, теперь у нее был предлог смотреть на него во все глаза.

С той минуты, как герцог показал ей свои шрамы, она очень старалась на него не смотреть. В результате ее взгляд метался между его лицом, ковром на полу и стопкой монет на столе. У нее даже закружилась голова.

Зато теперь у нее было неоспоримое право смотреть на него.

Поразительный контраст! Разумеется, первым делом ее внимание сосредоточилось на изувеченной стороне его лица. Казалось, оно принадлежало злобному чудовищу. Сеть извивающихся рубцов тянулась от уха вверх, выше линии роста волос. И что было совсем уж жестоко – неизбежное сравнение изуродованной плоти с той половиной лица, что осталась невредимой. Здесь-то он был красавцем, в несколько бесшабашном и решительном стиле, как и пристало джентльмену, считающему себя неотразимым.

Эмму не пугала его внешность, хотя она и была вынуждена признать, что выглядит он... поразительно. Нет, решила она, «поразительно» не совсем то слово.

Потрясающе – вот как он выглядел. Потрясающе.

Словно молния ударила в его тело, разделив пополам. Вокруг герцога, казалось, все еще витали электрические разряды. Эмма чувствовала их, находясь довольно далеко от стола. Ее руки даже покрылись гусиной кожей.

- Прошу прощения, ваша светлость. Должно быть, я ослышалась.

- Я сказал, что сделаю вас герцогиней.

- Но, разумеется... разумеется, вы же не имеете в виду законный брак?

- Нет, я собираюсь употребить все свое влияние в палате лордов, чтобы упразднить закон первородства, а потом убедить принца-регента учредить новый титул и герцогство. Выполнив все это, я уговорю его объявить дочку викария из Хартфордшира полноправной герцогиней. Разумеется, мисс Гладстон, я имею в виду законный брак.

Она сдавленно рассмеялась. Похоже, другого способа отреагировать на его слова у нее не осталось – только смех. Конечно же, герцог так шутит.

- Быть не может, чтобы вы просили меня выйти за вас замуж!

Эшбери вздохнул с досадой:

- Я герцог. Я не прошу вас выйти за меня. Я предлагаю вам жениться на вас. Это совершенно другое дело, видите ли.

Она открыла было рот, но тут же закрыла.

- Мне нужен наследник, – сообщил он. – Вот в чем мой мотив.

Ее внимание сосредоточилось на последнем слове и на том, как он его произнес – резко и четко.

Мотив!

- Если я вдруг умру, то все, чем владею, перейдет к моему двоюродному брату, а он неисправимый мот и повеса. Не за тем я отправился в Европу, сражался и защищал Англию от тирана да еще пережил вот это, – указал он на свои шрамы, – чтобы, вернувшись домой, наблюдать, как гибнут в нищете мои арендаторы. А это означает, что закон первородства, пока я не смогу его упразднить, требует, чтобы я женился и обзавелся наследником.

Неторопливым шагом он пересек комнату, направляясь к ней. Эмма стояла на месте, поскольку отступить перед ним ей не хотелось. Чем более невозмутимым и безразличным он казался, тем сильнее стучало ее сердце.

Его лицо было поразительным, зато все остальное...

Все остальное было просто великолепным.

Чтобы отвлечься от ненужных мыслей, Эмма сосредоточилась на том, что было в ее профессиональной компетенции, – на его одежде. Покрой сюртука был безупречен. Как непринужденно подчеркивал он ширину его плеч и облегал руки! А шерсть... высшего качества, плотного прядения, насыщенного окрашивания. Однако подобный стиль отстал от современной моды года на два. Да и манжеты слегка обтрепались...

– Я знаю, о чем вы думаете, мисс Гладстон.

«Откуда ему знать?»

– Вы мне не доверяете. Как может женщина вашего положения взлететь столь высоко? Не буду отрицать: среди дам высшего света вы окажетесь белой вороной и не найдете подруг. Но вас, несомненно, утешат преимущества материального благополучия: роскошный дом, щедрый кредит в самых лучших магазинах и значительное содержание в случае моей смерти. Вы сможете ездить с визитами и за покупками, заниматься благотворительными делами, если вам это будет необходимо. Ваши дни будут принадлежать только вам... – тут его голос посуровел, – ...но ночи будут моими.

На такое заявление она не могла придумать ответа. Краска возмущения покрыла все ее тело, даже между пальцев ног чувствовался жар.

– Вам надлежит ожидать моего прихода каждый вечер – сделаем исключение на случай, если вы заболете или у вас будут месячные, – пока не наступит беременность.

Эмма еще раз попыталась понять смысл разговора. Перебрав все варианты, остановилась на самом вероятном объяснении: герцог получил не только

внешние повреждения, он болен на всю голову.

- Ваша светлость, вы не в бреду?

- Нисколько.

- Может, вам стоит прилечь? Я могла бы послать вашего дворецкого за доктором.

Он озадаченно посмотрел на нее:

- Вам нужен врач?

- Может, и нужен. - Эмма поднесла ладонь ко лбу - ее лихорадило.

Но если он не болен... Неужели это такой прием, чтобы сделать ее своей любовницей? О господи! Может быть, она создала у него ложное впечатление о своей особе, когда так легко согласилась раздеться?

- Вы... - У нее не поворачивался язык, но она должна была сказать это. - Ваша светлость, вы пытаетесь завлечь меня к себе в постель?

- Да. По ночам. Я выразился ясно, и всего минуту назад. Вы вообще меня слушаете?

- Слушаю, да, - сказала она себе под нос. - А вот насчет понять... С этим сложнее.

- Я велю поверенным подготовить договор. - Герцог вернулся на свое место за письменным столом. - Мы можем назначить слушание нашего дела на понедельник.

- Ваша светлость, я не могу...

- Тогда на вторник.

- Ваша светлость, я не...

- Боюсь, остальные дни недели у меня уже расписаны. - Он быстро пролистал страницы ежедневника. - Размышления, попойка, турнир по бадминтону...

- Нет.

- Нет, - повторил он за ней.

- Да.

- Так да или нет? Делайте свой выбор, мисс Гладстон!

Эмма медленно обвела глазами комнату. Бога ради, что здесь происходит? Девушка показалась себе сыщиком с Боу-стрит, который расследует дело «Эмма Гладстон и ее пропавшая гордость».

Ее взгляд упал на часы. Начало пятого. Покинув Эшбери-Хаус, она должна вернуть платье, заплатит хозяину и сбегать на рынок.

Но она зашла слишком далеко, чтобы теперь отступить.

Эмма расправила плечи.

- Ваша светлость, вы назвали мою работу отрыжкой единорога. Вы потребовали, чтобы я разделась за деньги. Вы заявили, что готовы сделать меня герцогиней и что я должна лечь с вами в постель в понедельник. Этот разговор совершенно лишен смысла и является для меня унижительным. Могу лишь заключить, что вы надо мной насмехаетесь.

Он презрительно дернул плечом:

- Затворник, обезображенный шрамами, имеет право немного развлечься.

- А как же ваше расписание: «попойка, игра в бадминтон»? Разве этого не достаточно? - Теперь она утратила всякое терпение. Эмма любила кого-нибудь

подразнить: могла даже над собой посмеяться, – но у нее не было ни малейшего желая становиться объектом жестокой насмешки. – Я начинаю подозревать, что у мисс Уортинг были определенные резоны, чтобы расстаться с вами. Вы просто...

– Омерзительный тип, – подсказал герцог. – Отвратительный. Настоящее чудовище.

– Вы несносны.

Он озадаченно хмыкнул:

– Значит, вы не в восторге от моих личных качеств? Как мило.

Эмма в отчаянии вскинула руки:

– Ваша светлость, я больше не стану вам докучать. Сейчас подойду к письменному столу, возьму деньги и уйду. Медленно.

Двигаясь с предельной осторожностью, девушка подошла к столу и остановилась в ярде от герцога, который стоял по другую сторону. Все так же глядя ему в глаза, она схватила свои два фунта три шиллинга, затем, изобразив мгновенный реверанс, повернулась, чтобы уйти.

Он схватил ее за руку:

– Не уходите!

Эмма обернулась и взглянула на Эшбери в крайнем изумлении.

Соприкосновение их рук было подобно электрическому разряду. Казалось, посыпались искры. И эта сила не принадлежала ни ей, ни ему, но пронзала пространство между ними. У Эммы заныли кости, дыхание и пульс замерли: ей казалось, что с нее сорвали покров, обнажив не тело, но самую суть ее существа.

Похоже, герцог был изумлен не меньше. Его пронзительные синие глаза вопрошали. Потом он бросил смущенный взгляд на свою руку, будто недоумевающая,

как так вышло, что он сжимает ее ладонь.

И на секунду сердцу Эммы почудилось нечто безумное и несообразное. Будто перед ней совсем не тот циничный и ожесточенный человек, каким кажется. Что под маской «до и после», надетой на его лицо, скрывается мужчина страдающий и одинокий, душа которого осталась чистой, несмотря ни на что.

«Не верь, Эмма! Твое сердце слишком неразумно».

Он разжал ладонь и усмехнулся уголком рта.

- Вы не можете уйти прямо сейчас, Эмма Гладстон. Наша забавная игра только началась.

- Но я не желаю принимать в ней участие!

Она отчаянно старалась собрать остатки самообладания. Сжав монеты в кулаке, другой рукой она поспешно подхватила подол платья и бросилась к двери.

- И не вздумайте сказать «прощайте»! - крикнул он ей вслед.

«И не подумаю».

- И я не стану. Мы оба знаем, что вы вернетесь.

Дойдя до середины лестницы, она на миг задержалась. Так герцог думает, что они еще встретятся? Ах ты боже мой! Если это зависит от нее, так этому никогда не бывать.

Может, в следующем тысячелетии?..

* * *

- Ну разве не глупо с моей стороны? - Мисс Палмер стояла в отделенном портьерой углу швейной мастерской мадам Биссетт и боялась пошевелиться, пока Эмма измеряла ее талию. - С каждым днем все толще и толще. Наверное, я

ем слишком много пирожных!

Но Эмму одолевали сомнения. Уже второй раз за месяц Девина Палмер приходила в мастерскую, чтобы распустить платье. А Эмма отшивала ее гардероб с того момента, как Девина дебютировала в Лондоне. Она никогда не видела, чтобы юная девушка набирала вес, да еще так быстро.

Виноваты были явно не пирожные.

Строго говоря, Эмма не имела права что-то говорить, но ей нравилась мисс Палмер. Девушка была единственной дочерью судового магната и наследницей его состояния. Над ней тряслись и, конечно, баловали, но она была живая и искренняя. Клиентка, которая не портила день Эмме, а, напротив, приносила удачу, – это кое-что значило! Как правило, дамы, приходя в мастерскую, имели обыкновение смотреть мимо Эммы.

Сегодня, встретив взгляд мисс Палмер, Эмма не увидела в ее глазах привычного блеска. Только страх. Очевидно, бедняжке требовалось срочно выговориться.

– Сколько месяцев? – тихо спросила Эмма.

Мисс Палмер залилась слезами.

– Кажется, почти четыре.

– А джентльмен знает?

– Я не могу ему сказать. Он художник. Я встретила его, когда он пришел, чтобы написать портрет наших собак, и я... Но какая теперь разница? Он уехал. В Албанию. Искать «романтическое вдохновение», что бы это ни означало.

«Это означает, что он мерзавец», – подумала Эмма.

– А ваша семья? Они знают?

– Нет. – Девина энергично затрясла головой. – У меня только папа. Он возлагает на меня такие надежды! Если бы папа узнал о моем легкомыслии, он бы никогда

больше не посмотрел на меня как прежде. – Девушка закрыла лицо руками и тихо заплакала. – Я этого не вынесу...

Эмма обняла Девину и стала гладить по спине, чтобы утешить.

– Ах, бедняжка! Я вам так сочувствую!

– Я не знаю, что делать. Мне так страшно! – Мисс Палмер отодвинулась от Эммы. – Я не смогу воспитывать ребенка сама! Я подумала: вот если бы можно было отдать его в какую-нибудь семью за городом, тогда я могла бы навещать его время от времени. Знаю, некоторые так делают. – Она положила ладонь на живот и окинула его взглядом. – Но я толстею с каждым днем, и скоро я не смогу больше скрывать свое положение.

Эмма протянула девушке носовой платок.

– Вам есть куда поехать? К подруге или, может быть, к кузине? В Англии или в Европе?.. К кому-нибудь, кто сможет приютить вас до самых родов?

– У меня никого нет. И в любом случае никто не станет хранить мою тайну. – Она скомкала платок в кулаке. – Ну почему я была так глупа? Ведь я знала, что это неправильно... Но он был такой романтичный! Он называл меня своей музой. С ним я чувствовала себя...

Особенной. Желанной. Любимой.

Мисс Палмер не нужно было объяснять. Эмма знала в точности, что чувствовала эта девушка.

– Вы не должны себя казнить. Вы не первая молодая женщина, которую угораздило полюбить не того мужчину. И не последняя.

Тем не менее именно женщине всегда приходится платить самую высокую цену.

Эмме не довелось побывать в деликатной ситуации мисс Палмер, но она тоже совершила преступление, последовав зову сердца, за что была жестоко наказана. Воспоминания до сих пор причиняли ей боль. Но видеть, как та же

судьба грозит разрушить жизнь еще одной молодой женщины... Эмма была готова взорваться. Как же это несправедливо!

- Эмма! - укоризненно крикнула мадам Биссетт по другую сторону портьеры. - Платье леди Эдвины не подошьется само собой.

- Одну минуту, мадам, - отозвалась Эмма и шепнула мисс Палмер: - Приходите на следующей неделе, когда будет готово ваше платье, и мы еще поговорим. Если я смогу хоть чем-то вам помочь, то с радостью сделаю это.

- Я не могу вас просить.

- А вам и не нужно. - Эмма была настроена решительно. Ее совесть не соглашалась на меньшее. Она взяла руки мисс Палмер в свои и крепко сжала. - Что бы ни случилось, вы не останетесь одна. Клянусь.

В тот день мысли Эммы разбегались и все шло наперекосяк. Ей пришлось дважды выдергивать нитку и начинать заново, потому что шов на подоле платья леди Эдвины получался неровным.

Наконец наступил час, когда мастерская закрылась.

- Идешь сегодня куда-нибудь? - спросила ее товарка-портниха, когда мадам Биссетт удалилась к себе в квартиру на втором этаже. - Сегодня будут танцы.

- Не сегодня, Фанни. Но ты иди.

Эмме не пришлось повторять дважды. Не успела она поднять голову, чтобы послать подруге воздушный поцелуй, как Фанни уже скрылась за дверь.

В другой вечер Эмма могла бы воспользоваться редкой возможностью повеселиться на танцах, но не сегодня. Мало того что она ужасно тревожилась за мисс Палмер, так еще не могла прийти в себя после встречи с герцогом в Эшбери-Хаусе.

Наверное, герцог до сих пор радуется собственной шутке. Жениться на модистке? Ха-ха!

Как он смеет? Право же!

Эмма отогнала это воспоминание прочь, дав себе слово не думать о герцоге. У нее есть дела поважнее.

Из ящика стола мадам Биссетт она достала огарок свечи, установила его на столе и высекла огонек при помощи кремня, стараясь действовать как можно тише. Нашарила в ящике кусочек оберточной бумаги, разгладила его ладонями и пожевала огрызок карандаша.

Тем временем мысль ее работала: линия талии в этом сезоне опустилась ниже – прощайте, силуэты в стиле ампир! Под таким платьем спрятать растущий живот будет непросто, однако нужно что-то придумать.

Эмма поднесла карандаш к бумаге и стала делать набросок. Мисс Палмер понадобится корсет с дополнительными складками по низу. Возможно, это будет платье с рядом маленьких пуговиц внутри отрезной линии талии, чтобы присобирать или выпускать юбку. Соблазнительная пелеринка – совершенно необходимая вещь. Если верх платья правильно украсить, взгляд будет направлен именно на украшение.

Эмма так увлеклась конструированием, что не заметила, сколько прошло времени, но вдруг в дверь постучали.

Эмма перепугалась до смерти, поспешно смяла набросок и спрятала в карман.

– Мастерская закрыта!

Но стук сделался только громче и настойчивее.

Вздыхнув, Эмма направилась к двери, повернула ключ в замке и приоткрыла створку – всего на дюйм.

– Простите, но мы уже закрыты на ночь...

– Но не для меня.

Отодвинув девушку в сторону, мужчина буквально ворвался в мастерскую. На нем был темный плащ с капюшоном и цилиндр с полями, надвинутый так, чтобы скрыть лицо, но она узнала герцога сразу же. Только один человек мог позволить себе столь бесцеремонное поведение – герцог Эшбери.

– Мисс Гладстон. – Он слегка наклонил голову, едва удостоив ее приветствием. – Я же говорил, что мы с вами еще встретимся.

О господи!

Эмма закрыла дверь и повернула ключ. А что ей еще оставалось делать? Она же не могла оставить дверь приоткрытой: не дай бог, увидит кто-нибудь, что она наедине с джентльменом.

– Ваша светлость, после закрытия посетители не допускаются.

– Я не посетитель, а заказчик. – Он не спеша обошел мастерскую и ткнул тростью в безголовый портновский манекен. – Мне нужен новый жилет.

– Это дамская мастерская. Мы не шьем одежду для джентльменов.

– Очень хорошо. Тогда я желаю заказать платье.

– Для кого?

– Да какая разница? – Он раздраженно махнул рукой. – Для одной исключительно уродливой особы примерно моего роста.

Боже правый, чего добивается этот человек? Неужели ему мало вчерашнего издевательства? Быть не может, чтобы он явился забрать платье мисс Уортинг.

Какова бы ни была его цель, Эмма решила, что оплатит ему его же монетой. Сегодня герцог получит свою долю унижения.

Эмма вытащила ящик на середину мастерской – на этот ящик становились дамы, когда требовалось подколоть подол, – и указала герцогу:

- Тогда забирайтесь сюда.

Он смотрел на нее, явно не понимая.

- Если вам требуется платье...

- Платье требуется не мне.

- Если вашей подруге ростом с герцога требуется платье, то я должна снять мерки. Рукав, талия, подол. - Эмма вскинула бровь. - Грудь.

Поделом. Теперь он точно уберется отсюда.

Но уголок рта на здоровой половине лица Эшбери насмешливо изогнулся. Герцог поставил свою трость в угол и снял шляпу. За шляпой последовал плащ. Затем перчатки. И наконец сюртук. Глядя ей прямо в глаза, он шагнул на помост и развел в стороны руки ладонями вверх, как актер на сцене, ожидающий аплодисментов.

- Ну? - поторопил он Эмму. - Я жду.

Она отыскивала свою портновскую ленту. Что ж, сама начала этот маленький фарс, так что отступить теперь нельзя.

- Откуда вы узнали, где находится наша мастерская? - подозрительно спросила она. - Вы меня выследили?

- Я герцог и, разумеется, не следил за вами, но я велел, чтобы за вами проследили. Это совершенно разные вещи.

Эмма покачала головой, разворачивая портновскую ленту.

- Только это тревожит меня не меньше.

- Тревожит? Вчера вы отвергли богатство на всю жизнь ради двух фунтов и трех шиллингов наличными, а потом убежали из моего дома так, будто там

разгорелся пожар. Вам не приходило в голову, что моя слезка, возможно, была продиктована искренней заботой о вашем благополучии?

Она взглянула на него с сомнением.

– Я не сказал, что забочусь о вас: просто именно эта мысль должна была прийти вам в голову.

Эмма зашла ему за спину и растянула ленту от его левого плеча до запястья, делая вид, будто измеряет длину рукава. На самом деле ей стоило больших усилий не поддаться очарованию его близости. Всего лишь один слой тонкой рубашки отделял ее пальцы от его кожи, но у нее не было желания повторять тот шокирующий для обоих опыт, который они пережили в библиотеке Эшбери-Хауса.

«Вы не можете уйти прямо сейчас... Наша забавная игра только началась».

Она измерила расстояние от одного плеча до другого. Ах, этот аромат мыла для бритья и крепкого одеколona! Такие мужские запахи... Она не могла ими надыхаться.

Но они никак не способствовали решению главной проблемы.

– Вы не записываете мерки, – заметил он.

– Мне и не нужно. Я запомню.

К сожалению! Хотела она того или нет, однако Эмма знала, что эта встреча будет вечно гореть в ее памяти выжженным клеймом. Ну, может, не вечно, а пока не состарится и не выживет из ума, когда любой разговор выветрится из ее пустой головы.

Она растянула ленту вертикально, приставив один ее конец к основанию его шеи. Ошибка! Теперь, помимо ненужных воспоминаний, она получила прикосновение к его волосам. Ощущение было такое, будто трогаешь дорогой бархат с густым роскошным ворсом.

«Бархат, Эмма? Неужели?»

– Я почти закончила. Осталось измерить вашу грудь.

Эмма приставила один конец ленты к грудной клетке, затем обвела ею по кругу в противоположном направлении, проведя по атласной спинке его жилета, пока оба конца не сошлись на груди, и затянула портновскую ленту потуже, так что герцог поморщился.

Отлично. Вот так. Она взяла зверя на поводок.

Тогда отчего ей кажется, будто она его пленница?

Ее пугали не его шрамы. Как раз наоборот. Когда она стояла так близко, ее взгляд не мог охватить сразу обе стороны его лица. Ей нужно было выбирать. И Эмма уже знала, какая из сторон взывала к ней сильнее.

Чтобы преуспеть в портновском искусстве, было два подхода: найти недостатки и скрыть их или же подчеркнуть достоинства. Она всегда использовала второй подход. И вот сегодня он ее так жестоко подвел.

«Не делай этого, Эмма! Не бросай своему глупому сердцу канат, не то он скрутит тебя в узел».

Но было слишком поздно. Теперь, когда Эмма подняла на герцога взгляд, увидела в нем мужчину – мужчину с внимательными синими глазами и спрятанным в груди сердцем, которое выбивало гулкий и дерзкий ритм.

Мужчину с желаниями и потребностями, страстями, наконец.

Мужчину, который вчера схватил ее за руку, а теперь...

А теперь было похоже, что он имеет намерение ее поцеловать.

Эш никогда еще не испытывал такого сильного желания поцеловать женщину. Он отчаянно хотел ее поцеловать. Он даже чувствовал на губах вкус ее губ, мог бы смаковать розовую их сладость, слизал бы все колкие слова с кончика ее языка. Преподал бы ей урок... или два, лишил бы возможности дышать, потряс бы все ее существо.

Разумеется, ему хотелось зайти куда дальше, нежели просто поцелуй. Наклоняясь к ее губам, он проник взглядом сквозь кружевную косынку и увидел ложбинку между ее грудями – темную, благоуханную, сулившую так много удовольствий.

Несколько лет назад он поцеловал бы ее – и на этом бы не остановился. Он бы соблазнил девицу с помощью мелких безделушек и остроумных намеков. И она охотно и даже со рвением пришла бы к нему в постель, где они смогли бы насладиться друг другом как следует. Но это осталось в прошлом. Былое остроумие, которое могло очаровать кого угодно, сменилось тлеющим подспудно гневом. Да и лицо, некогда такое привлекательное, теперь стало другим. Ни одна женщина не придет в восторг, если ее станет целовать урод, сердце которого исполнено горечи. Но сейчас это не имеет значения. Ему не нужна любовница. Ему нужна надежная жена. Жениться на этой привлекательной модистке, уложить ее в постель, а потом, когда она родит наследника, отправить подальше в деревню. Все. Конец.

Он выпрямился и насмешливо вскинул бровь. Какая удача, что у него осталась одна целая бровь! Какой прок в том, что ты герцог, если не можешь многозначительно поводить бровью?

Эмма ослабила натяжение ленты.

– Выберите ткань в мануфактурном магазине и пришлите нам пять ярдов. Я бы посоветовала розовую парчу.

Он склонил голову набок:

– Правда? А я подумывал о персиковом цвете.

Эмма схватила его шляпу, плащ, перчатки и трость и сунула ему в руки.

– А теперь я прошу вас удалиться. Мне нужно идти домой.

– Мы можем совместить эти два процесса. Я отвезу вас домой. Моя карета ждет у дверей мастерской.

– Благодарю, но я предпочитаю пройтись.

– Это даже больше меня устраивает. Карета далеко, а мои ноги – вот они.

Эмма направилась к задней двери мастерской. Эш надел сюртук, плащ, перчатки и шляпу и вышел за ней в переулок, где пахло сыростью и отбросами. Шаг у него был широкий, так что он быстро нагнал Эмму.

Ее туфли выбивали сердитую дробь по булыжнику мостовой.

– Я не стану вашей любовницей. Мое тело не продается.

– Это не совсем так. Вы ведь портниха, правда? Значит, ваши пальцы продаются.

– Если вы не понимаете, в чем разница между пальцами женщины и чревом...

– Я отлично знаю, в чем разница. – Он взял ее руку, на которой не было перчатки, и большим пальцем погладил подушечку каждого пальца. – Уверяю вас, что ни за что не перепутаю.

Он погладил натертый указательный палец и даже рассердился. У дочери джентльмена должны быть нежные пальцы, но жизнь ожесточила ее... У него возникло беспокойное желание поднести ее руку к губам и поцелуями стереть мозоли с пальцев.

Эмма судорожно вздохнула, будто прочла его мысли. Или ее испугали собственные фантазии?

Девушка отдернула руку.

- Чего вы добиваетесь? Хотите мучить меня и дальше?

- Нет, мне нужно не это. Хотя, подозреваю, со временем мы к этому придем.

Она тихо застонала. И Эш нашел, что этот стон чертовски его возбуждает. Впрочем, он отметил это вскользь. Гораздо сильнее его занимал тот факт, что Эмма дрожит, обхватив себя руками.

- Где ваш плащ?

- Оставила вчера у вас дома.

- Отлично. Надеюсь, вы согласитесь со мной: не следует убегать столь поспешно.

Герцог снял с себя плащ, набросил ей на плечи и плотно закутал, так что девушка стала похожа на пингвина.

- Идемте скорее.

Развернув за плечи, он подтолкнул Эмму вперед - она заспешила неуклюжей походкой.

Предложить ей плащ было не простой галантностью. Это была самозащита. На нем, правда, были перчатки, но из такой тонкой кожи, что без преграды, которой стал плащ, он все равно ощутил бы прикосновение. А он не хотел снова пережить шок, который потряс его в библиотеке.

- Вот так, - сказал Эшбери. - Может, теперь вы наконец выслушаете меня. Не помню, чтобы я произнес слово «любовница». Кажется, я сказал «герцогиня». - Он обвел рукой убогое окружение. - Ради другой цели я бы в такую дыру точно не забрел.

- Не может быть, чтобы вы говорили серьезно: правдиво, искренне, честно и благопристойно!

Он выдержал пару минут.

– Вы закончили перечислять свои определения? Терпеть не могу кого-то перебивать.

Маленький пингвин даже подпрыгнул от возмущения. Эш тоже был вне себя. Учитывая, как упорно отрицала Эмма вероятность того, что она может ему понравиться, он заподозрил, что однажды какой-то мужчина не ответил ей взаимностью. И это приводило его в бешенство.

– Послушайте меня, Эмма!

Ну вот, она уже стала для него Эммой. Короткое и простое имя, как раз для нее.

– Ответ – да. Я говорю серьезно: правдиво, искренне, честно и благопристойно. И я хочу получить вас в свое полное распоряжение.

Эмма сбилась с шага и едва не налетела на тележку торговца яблоками. Она удержала равновесие только потому, что герцог поспешил протянуть ей руку. И не спешил отпускать. Напротив, сжимая крепко и решительно ее руку, повел в обход тележки, загородив девушку от проезжавшей мимо кареты.

Он двигался быстро, и Эмме было нелегко за ним поспевать. По правде говоря, поспевать за ним она пыталась с того самого момента, как вошла в библиотеку Эшбери-Хауса. Силилась разгадать его намерения, ответить остроумным выпадом на выпад. Контролировать реакцию собственного тела.

Герцог доводил ее до изнеможения. Не человек, а гимнастический снаряд.

– Если вы ищете именно жену, – сказала она, – наверняка найдется множество женщин – дам знатного происхождения, – которые охотно пойдут за вас.

– Да, но мне еще нужно искать таких. А женившись на вас, я сберегу кучу времени и сил.

Она искоса бросила на него взгляд.

– Вы сами-то себя слышите? Неужели вы действительно не понимаете, как оскорбительны ваши слова?

– А мне кажется, я совершаю доброе дело. Предлагаю вам титул и состояние. Вам только и нужно, что лечь со мной в постель, а потом девять месяцев пухнуть, точно клещ. Что может помешать женщине принять такое предложение?

– Действительно. Разве что ей не захочется чувствовать себя племенной кобылой.

Они сошли с тротуара и перешли дорогу.

– Племенной кобылой? Подобное сравнение не приходило мне в голову. Если вы – племенная кобыла, тогда я, выходит, жеребец-производитель?

– И в этом, – подхватила она, – заключается несправедливость нашего мира.

Он пропустил мимо ушей ее замечание.

– Если подумать, я бы предпочел называться просто жеребцом.

– Хватит о лошадях! – сдавленно выкрикнула Эмма. – Даже предположить, что мы могли бы пожениться, – это совершенная бессмыслица! Мы едва знакомы. И то немного, что мы знаем друг о друге, нам совсем не нравится, – с отчаянием добавила она.

– Я понятия не имею о затейливых манерах сватовства в вашей дикой деревушке, но у людей моего общественного положения заключение брака имеет два основания: рождение детей и получение денег. Я предлагаю вам брак к взаимной выгоде. Вы живете в бедности, а у меня... – Он приложил руку к груди. – Много денег. Мне нужен наследник, а вы вполне способны его выносить. Нравиться друг другу нет необходимости. Наши пути-дороги разойдутся, как только родится ребенок.

– Разойдутся?

– У вас будет собственный дом за городом. И мне вы будете без надобности.

Они свернули на оживленную улицу. Эшбери надвинул шляпу пониже и поднял воротник сюртука. Надвигалась ночь, но луна светила ярко. Ему явно не хотелось привлекать к себе внимание. И в сердце Эммы невольно затеплилось сочувствие.

– Вы полагаете, – подхватила она, – ваш запланированный ребенок будет мальчиком. А если родится девочка? Или пять девочек?

Он пожал плечами.

– Вы дочь священника. Вот и вымолите сына.

– Вы ужасный человек!

– Если уж мы заговорили о личных недостатках, то вам не хватает логики. Вы позволяете гордости взять верх над здравым смыслом. Не тратьте время на спор, лучше сразу сделайте вывод.

– Я делаю вывод, что наш разговор абсурден. Не понимаю, почему вы внушаете мне мысль, будто в самом деле готовы на мне жениться.

– А я не понимаю, почему вы внушаете мне мысль, будто я на вас не женюсь.

– Вы герцог. Я портниха. Что тут думать?

Подняв вверх ладонь, он стал загибать пальцы.

– Вы здоровая женщина детородного возраста, дочь джентльмена. Вы образованны и достаточно красивы. Для меня в красоте особой надобности нет, однако у ребенка должен быть хотя бы один родитель с нормальной внешностью. – У Эша оставался последний палец. – И вы здесь, под рукой! Вы отвечаете всем моим требованиям. Так что вы мне подходите.

Эмма смотрела на него и не понимала. Такого предложения руки и сердца, лишенного даже намека на сердечность, нельзя было и вообразить. Этот

человек циник, бесчувственный и грубиян.

И она решительно выйдет за него!

Потому что, вопреки логике и наперекор всему, что Эмма знала об обществе, герцог, похоже, всерьез сделал ей предложение. Она, Эмма, будет самой грандиозной душой во всей Англии, если откажется.

Какие перспективы у портнихи, если заглянуть вперед? После нескольких лет кропотливого труда ее зрение ослабеет, а пальцы сделаются негнушимися. Эмма знала, что лучшая для нее возможность избежать всего этого – точнее, ее единственный шанс – выйти замуж. Глупо отказывать герцогу, даже если герцог – прикованный к постели семидесятилетний старик, от которого несет мочой.

А в ее случае ничего подобного не наблюдается. У Эшбери много, слишком много грехов, но он мужчина в расцвете лет, а пахнет от него просто божественно. Он предлагает ей обеспеченную жизнь и по крайней мере одного ребенка, которого она сможет любить...

И дом.

Скромный дом, но собственный дом в деревне. Именно то, что позволит ей помочь мисс Палмер, если бедняжка останется совсем одна.

Герцог замедлил шаг, а потом и вовсе остановился.

– Клянусь Христовой виселицей! Чепуха какая-то...

Вот и все. Урок на будущее: никаких мечтаний, даже на минуту. В конце концов он опомнится. Сейчас он отошлет ее прочь, и она закончит свои дни старухой в порту, которая станет штопать матросам рубашки за полпенни и причитать, вспоминая, что могла стать герцогиней.

– Мы дошли до середины парка Сент-Джеймс! – воскликнул Эш.

– Правда? – Эмма с удивлением разглядывала окружающий пейзаж. Бурая осенняя трава под ногами, ветки деревьев, на которых почти не осталось

листьев. – Да, похоже. Что такое «Христова виселица»?

– Святое распятие. И вы говорите, что ваш отец священник? Он бы пришел в ужас, услышав ваш вопрос.

– Поверьте, случается и такое.

– Так где же вы все-таки живете?

– В каморке под крышей, через два дома от мастерской.

– И мы здесь, потому что...

Эмма прикусила губу.

– Я надеялась, что вы от меня отстанете, но я передумала, знаете ли.

– И очень вовремя! – Он довольно бесцеремонно притянул ее к себе и повел, подталкивая рукой, которую утвердил на талии. – Вы, наверное, слышали, какое отребье ошивается в парке Сент-Джеймс по ночам?

– Нет, не слышала.

– Молите Бога, чтобы вам не пришлось это узнать.

– Но ночь еще не наступила. Уверена, что нам...

Она не успела закончить фразу. Из сумрака вышли двое мужчин. Как будто бы герцог нанял их специально, чтобы подтвердить справедливость своих слов.

И, судя по выражению их лиц, грабители ожидали, что им отвалят кучу денег.

Эш всегда был прав, и его это бесило.

Он загородил собой Эмму, крепко держа ее за талию одной рукой и сжимая в другой руке трость.

- Ну? - спросил он. - Выкладывайте, да побыстрей, что вам нужно, и тогда я велю вам убираться к черту и мы сможем спокойно разойтись. Вот вам программа сегодняшнего вечера.

- Бросай сюда кошелек, парень. Не забудь про часы и кольца.

- Убирайтесь к черту! Видите, как все просто? - Он обнял Эмму за плечи. - Мы уходим.

Но второй мужчина поднял руку, в которой был нож.

- Стой где стоишь. На твоём месте я бы не дергался.

- Надеюсь, и ты не станешь дергаться, - сухо отозвался герцог. - Одно неловкое движение - и ты наверняка пожалеешь.

Грабитель с ножом сделал ложный выпад в направлении ребер Эша.

- Заткнись! И давай сюда золотишко. Или хочешь, чтобы мы пустили тебе кровь? Будет на что полюбоваться твоей драгоценной юбке!

Юбке?

- Не бойтесь, мисс, - хихикнул его напарник, наматывая веревку на руку и затягивая узел. - Мы с радостью освободим вас из лап этого господина.

У Эша вырвался звериный рык.

- Черта с два! - Размахивая тростью как мечом, он описал в воздухе широкую дугу. - Тронете ее - поплатитесь жизнью. Ничтожные, жалкие уроды!

Лезвие сверкнуло в сгущающихся сумерках. Хозяин ножа пошел на Эша, но тот поспешно отскочил в сторону, свободной рукой увлекая за собой Эмму, точным ударом повалил мерзавца на колени, и нож отлетел в траву.

Поспешно развернувшись, герцог снова поднял трость, готовясь нанести второму грабителю удар слева, достаточно сильный, чтобы переломать кости, но тут порыв ветра сдул с его головы шляпу, и оба грабителя ахнули.

- Господь всемогущий! - прошептал один.

- Помилуй, Господи, - сказал второй, пятясь на четвереньках. - Это же сам дьявол!

Эшбери замер, кипя от ярости, которая выжигала ему легкие, и нацелил трость для удара. Однако драться, кажется, больше не было необходимости. После минуты напряженного молчания он опустил трость.

- Убирайтесь.

Оба разбойника застыли как парализованные.

- Убирайтесь! - взревел Эш. - Ползите по домам, трусливые червяки, шлюхины дети! Или, клянусь, вы будете умолять дьявола, чтобы забрал ваши души!

Они попятились и бросились бежать. Но как же безрадостна была его победа!

Вернувшись в Лондон, Эш лелеял крошечную надежду, что выгладит не таким уж уродом, как привык о себе думать. Возможно, Аннабел всего лишь мелкая душонка, для которой выигрышная внешность прежде всего. Возможно, у бывших друзей, которых хватало на один визит, действительно находились неотложные дела. Возможно, всей прислуге в доме и впрямь понадобилось срочно ехать в дальние провинции к внезапно заболевшей родне.

Может, его шрамы не так уж ужасны?

Он обманывал себя. И теперь это стало совершенно ясно. Его наружность была отвратительна. Закоренелые преступники и те бежали в страхе, точно крысы в

сточную канаву. А он еще надеялся, что красивая молодая девушка с радостью примет его брачное предложение...

Нет. Ни одна хоть сколько-нибудь разумная девушка не захочет иметь с ним дело. Вот сейчас он обернется, а Эммы уже не будет. Он был уверен.

Но он ошибся.

Эмма стояла рядом, обеими руками сжимала большую ветку, глядя вслед убегающим грабителям. Его плащ соскользнул с ее плеча. Дыхание застывало в холодном воздухе сердитыми облачками пара.

Наконец она бросила ветку и пошла подобрать его шляпу, которую ветер унес уже на несколько футов.

– Вы не ранены?

Эш ошеломленно смотрел на девушку. Ее вопрос был лишен смысла. Вообще все казалось лишенным смысла.

Эмма не только не бросилась бежать, она приготовилась его защищать – вот глупость-то, если подумать. Он не знал, что с ней делать и что ему делать с самим собой. Он только и мог, что чувствовать...

Начать с того, что почувствовал против собственной воли – он слегка уязвлен предположением, – что ему может понадобиться помощь хрупкой девушки. Росло желание завладеть ею, чтобы показать, кто из них двоих кого защищает. А в самой глубине души шевельнулось чувство, которому он не сумел дать название, понуждавшее его отринуть гордость, положить голову ей на колени и выплакаться.

Но выплакаться – это невыносимо. Этому никогда не бывать. Решение принято, предложение сделано. Она сама скрепила печатью собственную судьбу с его судьбой.

Если она думала от него отделаться, то упустила шанс.

Будь он проклят, если теперь позволит ей уйти.

Эмма почувствовала эту перемену в герцоге. Крепко стиснутые зубы, бешеный ритм дыхания, вздымающаяся грудь, никакого проблеска синевы в глазах – только холодный сверкающий черный.

Эш был настойчив с самого начала, но теперь – настойчивей настойчивого. Эмма не умела подобрать нужного слова, но она чувствовала, что ее пронзило с головы до пят. Каждый волосок ее тела возбужденно вздрогнул. Каждый нерв заплясал от предвкушения. Ее тело уже знало, что случится нечто. Ее мозг еще не догадывался, как это будет, но сердцу было ясно, что грядет вспышка могучей и неуправляемой силы.

– Ваша шляпа, – сказала она.

Эш взял шляпу, поднял свой плащ с мокрого дерна, куда он свалился с плеч Эммы, а затем взял в руки и саму Эмму. Не предложил ей руку, как велит правило вежливого поведения, а схватил за локоть и повел в сторону улицы.

– Мне жаль, что вам пришлось стать свидетельницей всего этого.

– А мне нет, – тихо сказала Эмма.

Не то чтобы Эмма была рада, что на них напали грабители. Это было очень страшно, и у нее не было никакого желания подобный опыт повторить. Однако сейчас, когда им удалось благополучно избежать опасности, она как будто заново переживала восхитительный и волнующий момент, когда герцог инстинктивно бросился на ее защиту, как поразительная точность его действий обратила в бегство двух вооруженных грабителей.

Никто и никогда ее так не защищал.

И если герцог хоть сколько-нибудь нравился ей раньше – а она не могла не почувствовать, вольно или неволью, его привлекательности, – то теперь это чувство усилилось стократ.

– Это мне следует извиниться, – сказала она. – Ведь это я виновата. Мы бы не зашли сюда, в парк, если бы...

– Если бы я хоть немного смотрел, куда мы идем. Виноват я. – И, не говоря больше ни слова, герцог вывел Эмму из парка и на ближайшем перекрестке окликнул проезжавший мимо кеб. – Сейчас вы поедете домой. Завтра за вами прибудет моя карета. Соберите вещи.

Воздух покинул ее легкие.

– Погодите. Что вы сказали?

– Отсюда вы отправитесь в гостиницу. Наверное, это будет «Миварт».

«Миварт»? Самая красивая, самая роскошная гостиница в Мейфэре! Однажды Эмма там побывала, чтобы подшить платье австрийской баронессе, прибывшей в Лондон с визитом. Она и вообразить себе не могла, что когда-нибудь станет жить в таком месте.

– Я пошлю за вами, когда мои поверенные составят контракт. – Герцог распахнул дверцу кеба и помог Эмме забраться внутрь. – Мы сочетаемся браком в Эшбери-Хаусе.

– Однако...

Герцог дал указания кучеру и вернулся, чтобы закрыть дверцу кеба.

– Однако, если подумать, не трудитесь собирать вещи. Я куплю вам все новое. Гнилые картофелины из вашей кладовки мне без надобности.

Эмма сунула носок туфли в щель, не дав ему захлопнуть дверцу.

– Погодите.

Он уставился на нее.

- Что еще?

Отличный вопрос. Эмма и сама не знала что. Только все это произошло так быстро... Слишком быстро! Ее жизнь завертелась точно вихрь. Собственно, она и не хотела останавливаться, но ей требовалось что-то вроде дверной ручки, чтобы было за что ухватиться.

- Я... настаиваю на том, чтобы взять с собой кошку!

Он фыркнул с заметным отвращением.

- Кошку?

- Да. У меня есть кошка.

«Эмма, ты идиотка! У тебя же нет никакой кошки!»

Но она решила, что найдет кошку. Уж если Эмме предстоит выйти замуж без малейшего намека на чувство и поселиться в огромном роскошном доме, ей нужен хотя бы один союзник. Что может быть лучше, чем пушистый и глазастый котенок?

- Для невесты, выходящей замуж по расчету, вы создаете массу неудобств. - Он втолкнул ее ногу внутрь кеба и, прежде чем захлопнуть дверцу, ткнул в нее пальцем. - Надеюсь, эта ваша кошка умеет вести себя в приличном доме!

Глава 5

Кошка Эммы оказалась самым мерзким, грязным и отвратительным созданием, которое когда-либо видел Эш в своей жизни, за исключением тех редких случаев, когда смотрел в зеркало. Куча костей, заключенная в неопределенного цвета шкуру, несомненно, кишашую блохами.

Его невеста держала эту тварь обеими руками и прижимала к груди так, точно это был свадебный букет.

Эш скривился, глядя на зверя. Кошка зашипела в ответ. Похоже, их отвращение было взаимным.

– У нее есть кличка?

Она посмотрела так, будто его вопрос ее напугал.

– Что?

– Кличка. Эту кошку как-то зовут?

– А. Да. Штанина. Ее зовут Штанина.

– Штанина?

– Разве я не ясно сказала? – Не похоже, чтобы Эмма собиралась выпустить животное из рук. Вместо этого она осмотрела холл. – Где мы будем произносить брачные клятвы? В библиотеке?

– Неужели вы так и собираетесь держать эту гадость в руках до конца церемонии?

– Боюсь, если я ее отпущу, она убежит. Кроме того, она желает стать свидетелем. Не правда ли, Штанина? – Эмма повернула кошку мордой к себе и сделала умильное лицо. – Это герцог Эшбери. Разве ты не рада с ним познакомиться? – Она взяла кошачью лапу и помахала ею в сторону Эша, изображая знак приветствия. – Он очень любезный.

Кошачьи когти зловеще хватанули воздух возле его лица.

Вот, значит, как. Понятно.

Эш протянул руку, выдернул животное из объятий Эммы и опустил на пол. Серая тварь тут же пустилась наутек точно стрела.

– Дом такой огромный! – воскликнула Эмма. – Она может потеряться здесь на несколько дней.

– На это я и надеюсь.

Одернув на себе жилет, Эш обернулся, чтобы как следует рассмотреть свою невесту. Гадкое животное, помимо прочих напастей, помешало ему оценить внешний вид Эммы. До сего дня он видел ее в двух видах: в платье, сшитом из обезумевших сосулук, и в скромном платье девушки-работницы.

Утреннее платье, которое она выбрала сегодня, отличалось простотой и вместе с тем давало желанную передышку его изголодавшимся по красоте глазам. Сшитое из шерсти элегантного синего оттенка, оно отличалось совершенством кроя. И неудивительно – надо полагать, Эмма сшила его сама. Платье выгодно подчеркивало соблазнительные достоинства фигуры хозяйки. Длинные рукава на запястьях были украшены полоской тонкого кружева. Легчайший намек на кокетство, точно налет сахарной пудры.

Эмма выглядела очаровательно.

Нет-нет. Очаровательно? Неужели он только что использовал это слово? Он вовсе не был очарован. Он никогда не испытывал очарования. Вот так.

Он просто сходил с ума. Жаждал поскорее положить конец периоду воздержания, который казался бесконечным. Платье восхитило его лишь по одной причине: будет отрадно видеть, как оно полетит на пол! Жаль, что таковой возможности ему не представится. Сегодня ночью, когда он придет в ее спальню, будет уже темно.

Ее губы, так напоминающие лепестки розы, шевельнулись. Черт, кажется, он уставился на них совершенно неприлично и поэтому пропустил мимо ушей то, что она говорила.

– Викарий в гостиной, – сообщил Эш.

Эмма явно колебалась. И он приготовился услышать нечто вроде: «Я решительно не могу это сделать!» – или: «О чем только я думала?» – или: «Я скорее предпочту умереть от голода и холода, благодарю покорно!».

– И как же мне пройти в гостиную?

Он с облегчением перевел дух, обернулся к ней и подал руку.

– Пойдемте.

Нельзя сказать, чтобы она бросилась вперед летящей походкой. И он не мог ее в этом винить. Наверняка девушка хотела выйти замуж по любви, а он собирался вырвать эту мечту из ее тонких, покрасневших от работы пальчиков – заменить красивого жениха ее мечты на сварливое чудовище.

Чувство вины пронзило Эша, точно кинжал, воткнутый под ребра.

Но ему не следует поддаваться. Война научила герцога двум вещам: жизнь скоротечна, но долг остается. Если он умрет без наследника, этот негодяй, его кузен, разорит его земли, принимая решения исключительно для личной выгоды и обогащения. И это приведет к краху тысячи людей, которые теперь зависят от него, герцога Эшбери.

Эта перспектива была для него горше горького. Ведь не оправдав надежд своих работников, он не сможет называться сыном своего отца. Вот в чем ирония, думал Эшбери, переступая порог гостиной.

Выходило, что он-то как раз женится по любви.

Но не к ней.

Не совсем такую свадьбу видела Эмма в мечтах своей юности. Она представляла себя на церковном венчании, естественно, в окружении родных, друзей и соседей. Она мечтала, что на ней будут розовые ленты, а на голове – венок из цветов. Но, в конце концов, она уже много лет как распрощалась с девическими фантазиями.

В гостиной не было ни гостей, ни цветов – только священник, дворецкий, экономка и устрашающая кипа бумаг, ожидающих ее подписи. Смущенная, Эмма быстро пролистала документы и решила: если уж читать, то с самого начала, – но едва она успела дойти до середины второй страницы, у герцога лопнуло терпение.

– Что вы делаете? – спросил он. – Неужели читаете?

– Разумеется, я никогда ничего не подписываю, сперва не прочитав. А вы?

– Я – другое дело. Мне, может быть, есть что терять.

А Эмме терять было нечего. Слова герцога можно было понимать именно так. Честно говоря, вряд ли можно было с этим поспорить. Она уже простилась с мастерской, бросила свою каморку под крышей и почти все пожитки.

Герцог оставил Эмму за чтением, а сам начал расхаживать кругами в другом конце гостиной. И ее посетило странное подозрение: он нервничает не меньше ее. Но этого не может быть! Куда вероятнее, что страдальцу просто не терпится со всем этим покончить.

– Вам помочь, мисс Гладстон? – услышала она тихий голос над своим ухом. – Я знаю, что такая кипа бумаг может быть очень тяжелой.

Она подняла голову и увидела, что рядом стоит дворецкий. С ним она уже встречалась – в тот самый первый день. Как же его зовут? Кажется, вспомнила – мистер Хан.

Он тогда ей сразу понравился. Бронзовая кожа и типичное для индийца понижение тона в конце фразы. Серебряные волосы с прямым пробором, столь безукоризненно прямой была также и его осанка. Он был к ней очень добр, даже вопреки тому, что она явилась в дом герцога без визитной карточки и без приглашения. Хан, казалось, был даже рад ее видеть.

– Герцог не всегда такой, – доверительно сообщил ей дворецкий, подавая Эмме следующий документ.

- Нет? - В душе Эммы забрезжила робкая надежда.

- Обычно он гораздо хуже. - Быстро оглянувшись через плечо, дворецкий взял из ее рук документ, чтобы вложить новый. - Герцог жил один и не собирается отступать от своего обычая. Он никому не доверяет, но уважает тех, кто может бросить ему вызов. Думаю, поэтому вы здесь. Он испытывает злость, обиду, скуку, и его боль куда сильнее, чем он выказывает. И знаете, одно из двух: или вы с ним поладите, или он разобьет вашу жизнь.

Эмма постаралась справиться с волнением.

- Если вам это хоть как-то поможет, - продолжал дворецкий, - знайте, что вся прислуга надеется на первое.

- Это обнадеживает... кажется.

Что бы ни потребовалось для того, чтобы, по словам Хана, «поладить», Эмма не сомневалась, что лишена подобных качеств. Однако, если Хан намеревается встать на ее сторону, она не возражает. Ей нужен хотя бы один друг в этом доме, и этим другом вряд ли станет ее супруг.

И не кошка, куда бы она ни подевалась.

- Чем вы там занимаетесь? - спросил тот, о ком они только что говорили.

- Ничем, - поспешно ответила она. - То есть я почти закончила читать. - Вы могли бы дать мне совет? - шепнула она дворецкому.

- Полагаю, уже поздно спасаться бегством.

- А кроме этого?

- Разве что напиться допьяна? Кое-кому в этом доме следовало бы, но я не могу.

- Хан, хватит стоять столбом, сделай что-нибудь полезное. Принеси фамильную Библию.

Дворецкий вытянулся в струнку.

- Да, ваша светлость.

Уходя, он едва заметно подмигнул Эмме – сочувственно и вместе с тем заговорщицки. «Отныне мы вместе» – вот что он, кажется, хотел сказать.

Эмма взяла перо.

Как только была подписана последняя страница контракта, священник деликатно кашлянул:

- Вы готовы начать, ваша светлость?

- О господи, да! Давайте поскорее покончим с этим.

Эмма и герцог заняли свои места, стоя бок о бок, и Эмма, не сдержавшись, взглянула на него. К ней был обращен его здоровый профиль – мужественный, решительный. Ни малейшей тени сомнения не было на его лице.

Но он вдруг повернулся к ней, и она увидела шрамы. Смутившись от того, что он заметил, что она его разглядывает, Эмма поспешно отвернулась, и инстинкт болезненно подсказал ей: отвернувшись, она допустила ошибку.

«Отлично, Эмма. Так держать!. Как раз вот этим ты его не оскорбишь».

Они произнесли положенные клятвы, и новоиспеченный супруг схватил ее руку, чтобы надеть на палец простое золотое колечко. В том, как герцог стиснул ее руку, не было ничего сентиментального – он как будто утверждал свое право на Эмму. Двое слуг поставили свои подписи как свидетели, после чего викарий удалился.

И они остались втроем – Эмма с герцогом да еще тяжелое, неловкое молчание.

Герцог хлопнул в ладоши.

– Ну, с этим покончено.

– Полагаю, это так.

– Я велю горничной принести чего-нибудь подкрепляющего в ваши покои. Вам наверняка захочется отдохнуть.

И он повернулся к ней спиной, собираясь уйти, но Эмма дотронулась до его плеча, чтобы остановить.

Он обернулся.

– Что еще?

Это был не вопрос, а скорее выговор. Эмма собралась с духом.

– Я хочу отобедать.

– Разумеется, вы пообедаете. Или вы думаете, что я стану морить вас голодом? Это вряд ли отвечает моим планам зачать здорового ребенка.

– Я имела в виду не просто утолить голод. Я хочу, чтобы мы с вами пообедали вместе. И не только сегодня, а каждый вечер. Настоящий обед, со множеством блюд. И чтобы мы с вами разговаривали.

У герцога сделалось такое лицо, будто она предложила ежевечернее вскрытие брюшной полости, исполненное посредством штопальной иглы и ложки.

– Зачем вам это?

– Нельзя, чтобы нас связывала только постель. Мы должны узнать друг друга, хотя бы немного. Иначе я буду чувствовать себя...

– Племенной кобылой? Да, я помню. – Герцог отвел взгляд и вздохнул, потом снова взглянул на Эмму. – Очень хорошо. Мы будем обедать вместе. Однако я хотел бы прояснить некоторые вещи прямо сейчас. Наш брак – это брак по

расчету.

- Да, так мы и договорились.

- Между нами не будет любви или привязанности. Напротив, будут приняты все меры, чтобы их не допустить.

- Странно, что вы полагаете, будто нам понадобятся меры предосторожности. Я удивлена.

- Просто делайте то, что от вас требуется. Вы должны разрешить мне лечь с вами в постель. Я отлично сознаю свое внешнее уродство. Вам не нужно остерегаться проявления с моей стороны грубости или распутства. Все наши встречи будут в рамках благопристойности, насколько это возможно. При погашенных свечах... И никаких поцелуев! Разумеется, как только вы понесете моего наследника, наши отношения закончатся.

Эмма была ошеломлена. Никаких поцелуев? При погашенных свечах? Из-за его шрамов?

В словах герцога она уловила такую боль, что внутренне содрогнулась. Должно быть, предательство Аннабел Уортинг было для него жестоким ударом. Даже если он вбил себе в голову, будто его шрамы так отвратительны, что никто не сможет их терпеть... Эмма теперь его законная супруга. Она отказывалась это принимать. Уж она-то знала, каково быть отверженным.

Герцог повернулся, чтобы уйти, но она снова остановила его.

- Еще одно. Я хочу, чтобы вы меня поцеловали.

Эмма выпалила это и замерла, ужасаясь собственным словам. Но дело было сделано - теперь ей нельзя отступать. Если она дрогнет перед ним, ей никогда не отбить назад тот маленький плацдарм, который она захватила.

- Вы разве не слышали? Я только что поставил условие: поцелуев не будет.

– Вы говорили про поцелуи в постели, – возразила она. – А я не про постель. Я прошу только об одном-единственном поцелуе.

Он провел ладонью по лицу.

– Обед. Поцелуй. Вот что я получил, женившись на дочери сельского священника. Романтические бредни.

– Поверьте, быть дочерью сельского священника отнюдь не означает, что моя голова набита романтическими бреднями.

«Распутница. Шлюха. Иезавель». Эти жестокие слова зашипели на нее из темных уголков памяти. Она заставила их отползти назад, как привыкла делать все эти годы. Может быть, когда-нибудь она сумеет прогнать их навсегда.

– Я могу обойтись без кольца с драгоценными камнями, без гостей, без красивого платья, – сказала она. – Я прошу только об одной маленькой любезности, чтобы почувствовать... немного тепла. Чтобы сегодняшней вечер был больше похож на настоящую свадьбу.

– Свадьба была самая настоящая. Мы принесли клятвы, которые нас связали по закону. Поцелуи на свадьбе необязательны.

– Мне кажется, на моей свадьбе поцелуй просто необходим. – Ее голос набрал силу. – Вы удостоили меня церемонии, пусть формальной и второпях, но меня бы порадовал этот маленький жест, который дал бы мне почувствовать, что я для вас нечто большее, нежели движимое имущество.

Она пристально наблюдала – как он отреагирует? Но его реакцией был полный отказ от какой бы то ни было реакции. Его лицо ничего не выражало – обе его половины: здоровая и та, где шрамы. Или он не был уверен в себе? Кроме того, нельзя исключать, что она ему неинтересна. Эти мысли заставили ее сердце сжаться.

– Если хотите, я могла бы сама вас поцеловать, – предложила Эмма. – Необязательно, чтобы поцелуй был долгим. Вам только и нужно, что стоять смиренно.

Она привстала на цыпочки.

Но он положил руки ей на плечи, вынуждая опуститься на пятки.

- Жена не может целовать герцога.

О господи! Ничего унижительнее уже быть не может.

- Герцог, - продолжил он, - сам целует жену. Это совершенно разные вещи.

- Вот как?

- Да. Закройте глаза.

Эмма повиновалась. Сердце стучало в груди все громче, а ожидание все затягивалось.

Ничего...

Она выставила себя душой, а он над ней посмеялся. Он передумал. Насчет поцелуя. Насчет нее. Насчет всего. Она была готова открыть глаза, бежать из этой комнаты, соорудить баррикаду из подушек, книг и кошек, чтобы спрятаться за ней до конца своих дней, когда...

Его ладони обхватили ее лицо - шершавые, властные. И в тот миг, когда она думала, что вспыхнет пламенем от жестоких подозрений, его губы коснулись ее губ.

И что-то сдвинулось в ее душе. Потайной карман желаний, который она накрепко зашила много лет назад, - его поцелуй разорвал швы. Хлынул поток чувств, готовый поглотить ее без остатка. Волна страсти, желания и...

И еще нечто такое, чего она не хотела признавать, не то чтобы дать название! Позже она, без сомнения, поразмыслит над этим. Ее цепкий ум ничего не оставит без внимания. Но пока его губы соприкасались с ее губами, она могла гнать от себя это страшное признание.

Если бы этот поцелуй мог длиться вечно!

Глава 6

Надо с этим покончить, твердил себе Эш. Коснуться губами ее губ да сосчитать до трех – нет, до двух, – и хватит глупостей. Наверное, глупо идти у нее на поводу, но он решил, что формальный поцелуй скорейшим образом положит конец неприятному разговору.

Однако в результате этого поцелуя он только потерял над собой контроль.

Ее губы были мягкими, теплыми, сладкими. Свежими, как фруктовый пирог. Он чувствовал, как силы покидают его, хотя в иных местах он, напротив, становился твердым. Эмма играла на струнах самых разных его чувств, но он не мог определить, каких именно. Поцелуй запустил в его мозг тонкие щупальца безумия, лишаящего его возможности думать и контролировать ситуацию.

Считать.

Как долго их губы соприкасались? Возможно, не дольше двух ударов сердца. Или трех? Или тысячи? Теперь ему было безразлично.

Ее щеки пылали под его ладонями, и он принял этот жар как признак смущения или раздражения. Но она не отпрянула. Напротив, придвинулась ближе и положила руку ему на плечо. Под скюртуком она словно гладила его шрамы, а заодно гнала прочь ту боль и горечь, что скрывались под израненной плотью. В его теле разворачивалась спираль ощущений, как ураган в безводной пустыне, который подхватывает сухой песок и швыряет его в небесную высь.

Все было неправильно. И все было так, как должно. Теперь все было возможно!

Он оторвался от ее губ, но не мог отвести взгляд от ее лица. Прошли долгие секунды, пока Эмма не открыла глаза, будто упиваясь потрясающими ощущениями, впечатывая их в память, наслаждаясь ими.

Проклятый дурак, зачем он уступил и поцеловал ее? Он не подумал, что после первого поцелуя мужчина обычно жаждет второго.

И следующего. А потом еще. И с каждым поцелуем его страсть только разгорается.

Он получит ее позже, в постели, и будет делать это часто. Но так, как сейчас, – это не повторится. Больше не ощутит он этой робкой сладости там, где его губы соприкоснулись с ее губами. Вкус ожидания и надежды на большее.

Он отпустил ее и сделал шаг назад. Она покачнулась, обретая равновесие.

– Благодарю вас.

«Это было моим наслаждением, – подумал он. – Только моим. И я никогда ей этого не прощу».

– Обед в восемь, – сказал он.

Когда Эмма вышла из гостиной, она увидела, что в холле ее ожидает вся прислуга Эшбери-Хауса. Хан представил ей и назвал по имени каждого из собравшихся, хотя Эмма была уверена, что никого не запомнит. Слуг было слишком много: экономка, кухарка, горничные первого этажа, горничные верхних этажей, девушки-посудомойки, лакеи, кучер, конюхи.

– Мэри будет прислуживать вам в качестве личной горничной. – Хан указал на улыбающуюся молодую женщину в накрахмаленном черном форменном платье. – Мэри, проводите герцогиню в ее покои.

– Да, мистер Хан. – Энергия так и била из девушки ключом. – Прошу сюда, ваша светлость. – Когда остальные уже не могли их услышать, Мэри принялась трещать без умолку: – Я так рада, что вы появились в доме! Мы все так рады.

– Спасибо, – сказала весьма озадаченная Эмма.

Конечно же, опытная горничная сочла бы себя оскорбленной, если бы узнала, что ее приставили служить герцогине, которая всего четверть часа назад была простой портнихой.

– Не сомневайтесь, зовите нас, если что. Мы здесь, чтобы служить вам всеми силами.

– Вы очень любезны.

– Любезность? – удивилась Мэри. – Вовсе нет, ваша светлость! Ясно как день, что вы куда лучше этой жуткой мисс Уортинг. Как только герцог в вас влюбится, все в доме пойдет на лад.

– Погодите. – Эмма остановилась посреди коридора. – Говорите, как только герцог в меня влюбится?

– Ну да, разумеется. – Мэри прижала обе руки к груди. – Как было бы замечательно, если бы это случилось всего через несколько дней! Но, может быть, хватит и одной ночи. Хотя, полагаю, более вероятный срок – несколько месяцев. Нельзя слишком опережать события.

– Боюсь, вы все не так поняли, – сказала Эмма. – У нас не любовный союз и, могу вас уверить, никогда таковым не станет, ни через несколько дней, ни через несколько месяцев. Этому никогда не бывать.

– Ваша светлость, никогда так не говорите. Это непременно должно произойти. – Мэри оглянулась по сторонам, прежде чем продолжить: – Вы не представляете, как мы тут мучаемся. С тех пор как герцог вернулся домой израненным, он страдает. И от этого стала невыносимой и наша жизнь. Он никогда не покидает дом, никогда не принимает гостей. Просит кухарку готовить только самые простые блюда. Слугам кажется, что о них позабыли, им тоскливо, как тоскливо и одиноко самому герцогу. Но главное – мы все находимся в услужении у человека, чье настроение меняется от темно-серого до черного. Мы, все мы, рассчитываем на вас. – Она взяла руки Эммы и горячо стиснула. – Вы – наша единственная надежда. И, осмелюсь сказать, единственная надежда нашего герцога.

О святые угодники! Это как-то... неожиданно. Эмма даже не знала, что ответить. Она-то пыталась сохранить хоть каплю оптимизма ради собственного будущего (добавьте сюда и лучик надежды для мисс Палмер), а оказалось, что у нее десятка два слуг, которые тоже ждут, что она станет их спасением.

– Я так в вас верю, ваша светлость! – Просияв улыбкой, Мэри распахнула дверь в роскошно обставленную комнату. – Теперь это ваша личная гостиная. Через ту дверь вы попадете в ванную. За дверью напротив ваша спальня, а за ней – гардеробная. Наверное, мне лучше оставить вас ненадолго, чтобы вы могли осмотреться? Вам стоит только позвонить, и я приду помочь вам одеться к обеду. Я могу предложить столько разных способов уложить вам волосы! – И горничная исчезла, взмахнув рукой и быстро присев в реверансе.

Эмма отнюдь не жаждала остаться в одиночестве. Каморка под крышей, в которой она жила последние три года, целиком бы уместилась в ее новой гостиной. Должно быть, требуется гора угля, чтобы ее протопить. Не чувствуя она себя так глупо, могла бы приставить ладони ко рту и прокричать собственное имя – просто для того, чтобы проверить, не раздастся ли эхо.

Эмма бродила по комнатам, рассеянно рассматривая один роскошный предмет обстановки за другим. Она даже опасалась, что не осмелится ими пользоваться.

В спальне все было готово, все разложено по местам – те немногие вещи, что она привезла с собой, и множество предметов роскоши, которых у нее никогда не было. Свежие цветы, несомненно, из оранжереи. На туалетном столике она нашла щетку для волос в серебряной оправе и ручное зеркало. Постель была заправлена свежим, как следует выглаженным бельем.

О господи, постель...

Но сейчас она не могла об этом думать.

Ее единственное платье, хоть как-то подходящее для официального обеда, тоже было выглажено и ожидало хозяйку. Хоть бы никто не заметил, что это просто кусок довольно старого шелка, который она использовала, чтобы упражняться в новых фасонах. Линия талии несколько раз то поднималась, то опускалась. Подол отделялся оборками, которые потом снова отпарывались. Отделка лентами менялась на кружева. Едва ли это платье можно было назвать

нарядным, однако ничего другого у Эммы не было.

В ногах постели лежало аккуратно свернутое лоскутное одеяло. Эмма накинула его себе на плечи, села на ковер перед камином, подтянув колени к груди, и свернулась под своим одеялом, точно гусеница.

Она больше не модистка. Она теперь жена, да еще и герцогиня в придачу.

И ей очень страшно.

В восемь часов Эмма сидела за столом, протянувшимся, кажется, на целую милю. Она едва могла рассмотреть его противоположный конец. Белая льняная скатерть. Хрусталь и серебряные приборы сверкали, как далекие звезды.

Вошел герцог, кивнул ей и не спеша направился в дальний конец столовой. На это у него ушла добрая минута. Потом надо было дождаться, чтобы лакей придвинул ему стул. И лишь тогда он наконец сел.

Эмма хлопала ресницами – на таком расстоянии все казалось ей смешением разноцветных пятен. Здесь необходима подзорная труба или рупор, а лучше и то и другое. Без них разговаривать невозможно.

Слуга проворно развернул льняную салфетку и, встряхнув, разложил на коленях у Эммы. Налил в бокал вино. Появился второй слуга, с супницей, налил суп в неглубокую чашку, которую поставил перед Эммой. «Спаржа», – подумала она.

– Суп пахнет божественно, – сказала Эмма.

Она увидела, как где-то вдалеке герцог сделал знак лакею.

– Вы же слышали. Налейте ее светлости еще вина.

Эмма уронила ложку в суп. Это просто смехотворно!

Она вскочила, толкнув стул назад, одной рукой схватила чашку с супом, второй рукой – бокал с вином. Слуги в панике переглянулись. А она тем временем обежала длинный обеденный стол и остановилась у другого его конца. Села на углу, выбрав место так, чтобы видеть здоровую половину лица герцога, – будет не так неловко. Похоже, ее выходка его рассердила, но ей было все равно.

Он заговорил первым:

– Вот как?

– Да, именно так. Мы заключили договор. Я пускаю вас в свою постель, вы приходите к обеду, и мы ведем беседу.

Он сделал большой глоток вина.

– Ну, если вы настаиваете. Полагаю, мы можем беседовать как обычные англичане. Поговорим о погоде или о последних скачках, еще о погоде или о ценах на чай... Мы ведь побеседовали о погоде?

– Не поговорить ли нам о загородной жизни?

– Годится. Представители высшего света говорят о деревне, когда живут в Лондоне, и о Лондоне, когда живут за городом.

– Вы обещали, что у меня будет собственный домик.

– Да, и это место называется «Суонли». Находится в Оксфордшире. Дом небольшой, но достаточно удобный. В нескольких милях от деревни. Там много лет никто не жил, но я велю приготовить его для вас.

– Звучит заманчиво. Мне бы хотелось его посмотреть. Он будет готов к Рождеству?

Рождество было бы наилучшим вариантом. До праздника оставалось всего девять недель. К тому времени срок беременности мисс Палмер составит шесть месяцев, но даже тогда при определенной удаче и благодаря портновскому искусству девушка сможет скрывать свое положение. Если Эмма до Нового года

сумеет поселить ее в Оксфордшире, дело может разрешиться вполне благополучно.

– Дом будет готов к Рождеству, – сказал герцог. – Однако я сомневаюсь, что вы будете готовы к Рождеству.

– Что вы имеете в виду?

Он сделал знак лакеям унести суп.

– Вы никуда не поедете, пока не будет известно наверняка, что вы беременны.

Что? Она чуть не поперхнулась вином.

Лакеи внесли рыбное блюдо, и Эмме пришлось прикусить язычок, но как только выдалась минутка, когда их никто не слышал, она наклонилась вперед.

– Вы хотите сказать, что будете держать меня в этом доме пленницей?

– Нет. Я хочу сказать, что должен обеспечить соблюдение вами нашего договора. Учитывая, что целью этого брака является рождение наследника, я не могу позволить вам жить вдали от меня, пока цель не будет достигнута или, по крайней мере, близка.

Эмма пыталась придумать разумный довод.

– Но я так мечтала отпраздновать Рождество в деревне! Жареные каштаны, катание на санях и рождественские гимны! – В целом Эмма не кривила душой. Праздник Рождества в каморке, продуваемой всеми ветрами, – это действительно было печально. – Не вижу причины, почему мне не отлучиться на неделю.

Герцог наколот на вилку кусок рыбы.

– Все эти штучки мне известны. Неделя превращается в две, а две растягиваются на месяц. Не успею я оглянуться, как вы сбежите в какую-нибудь приморскую деревушку и спрячетесь на год-другой.

- Вы плохо меня знаете, если предполагаете, что я способна на такое.

Он бросил на нее косой взгляд.

- Вы совсем меня не знаете, если полагаете, что у вас не возникнет такого соблазна.

Эмма уставилась в свою тарелку. Такого осложнения она не предвидела. Одной из причин, почему она согласилась на этот брак, было желание помочь мисс Палмер. Не единственной причиной, разумеется, но очень важной. По крайней мере, Эмме нужно отвезти девушку в деревню и убедиться, что она устроена, даже если герцог будет настаивать, чтобы она сразу же вернулась в Лондон. Теперь оказывается, что ей вообще нельзя будет выезжать - нужно сначала забеременеть.

Она предположила, что к Рождеству вполне может обеспечить герцогу наследника, если сумеет поскорее зачать. Как можно скорее. А если не забеременеет, что ж, решила Эмма, ей придется заставить супруга передумать. Как только она заслужит его доверие, он не сможет отказать ей в коротком отпуске.

«Он не верит никому», - сказал Хан.

Прекрасно.

- Ваша све... - Она осеклась в недоумении. - Как мне к вам обращаться? Наверняка не «ваша светлость».

- «Эшбери». Или «герцог», если желаете поменьше церемоний.

Боже правый. Обращение «герцог» считается у него нецеремонным?

- Я ваша жена. Это означает, что я заслужила привилегию обращаться к вам более непринужденно. Как вас звали, когда вы были моложе, до того как унаследовали титул? Тогда вы еще не были Эшбери.

- Ко мне обращались согласно титулу учтивости.

- И что это был за титул?

- Маркиз Ричмондский. Этот титул перейдет к моему наследнику. Очень скоро, если повезет. Вы можете приберечь его для моего сына.

Эмма подумала, что герцог прав.

- А ваша фамилия?

- Пембрук. Никогда ею не пользовался.

Эмма тоже не испытывала желания пользоваться такой фамилией. Слишком напыщенно, не сразу и выговоришь.

- Тогда ваше имя?

- Джордж. Так звали моего отца, а до того - моего деда. Кажется, так зовут каждого третьего джентльмена в Англии.

- И моего отца звали Джордж. - Эмма поежилась. - Так что опять мимо. Нам придется найти что-то другое.

- Ничего другого не будет: «Эшбери» или «герцог». Выбирайте.

Эмма задумалась на минуту.

- Нет, дорогой супруг, я не буду выбирать.

Он уронил вилку и уставился на нее. Эмма улыбнулась.

«Он никому не верит, - сказал Хан, - но он уважает тех, кто бросает ему вызов».

Если герцогу нечего предложить, кроме уважения, тогда она должна его заслужить. Эмма умела бросать вызов. Она надеялась, что ее вызов будет

герцогу по плечу. Она протянула руку к ближайшему соуснику.

- Не желаете ли еще соуса, мой милый?

Его пальцы стиснули хрупкую ножку винного бокала.

- Если вы не прекратите болтать чушь, - сказал герцог, - то очень пожалеете.

- Неужели, дорогой?

Он с силой опустил руку на стол и повернулся к ней. Пронзительный взгляд синих глаз и жуткие шрамы.

- Да.

Она твердо намеревалась бросить ему вызов и выстоять, но вдруг, к своему стыду, поняла, что трусит. Наверное, ей все-таки следовало завести разговор о погоде.

Тем не менее Эмма была избавлена от необходимости затевать обсуждение осенних холодов. Клубок серебристого меха вылетел из угла столовой. Штанина впрыгнула на стол, вонзила зубы в отварную форель и унесла добычу прочь, прежде чем Эмма и герцог успели сказать хотя бы слово.

- Хватит. - Герцог бросил салфетку на тарелку. - Обед закончен.

Глава 7

Эш запахнул халат и затянул пояс. Потом развязал пояс и завязал по новой. С первой попытки узел затянулся так, что стало трудно дышать.

Но как же он нервничает, черт возьми. Сегодня не только Эмме предстоит получить первый опыт. Сам он, конечно, девственником не был, но никогда еще не спал с девственницей и потому не знал, чего следует ожидать с ее стороны.

Она может выказать простое смущение, а может испугаться до истерики. Насколько ей будет больно?

Впрочем, предположил он, есть и кое-что утешительное. Учитывая, как долго у него не было женщины, все дело должно разрешиться в несколько минут. Или секунд?

Его босые ноги шлепали по коридору. Подойдя к дверям ее спальни, Эш предупредительно постучал, прежде чем слегка приоткрыть дверь.

- Полагаю, вы готовы, - сказал он.

- Да.

- Прекрасно.

Он вошел и сразу же погасил свечу. У Эммы горело несколько тонких свечек, и он обошел спальню, задувая их по очереди. Потом перевернул угли в камине, притушив огонь до смутного красного свечения, и направился к постели.

Но едва он сделал первый шаг, как больно ударился коленом о край... Что это было? Стол? Ножка стула? Послышался шорох простыней.

- Все в порядке?

- В полном, - сухо отозвался он.

- Знаете, немного света не помешает.

- Нет. Очень даже помешает.

- Я уже видела ваши шрамы.

- Нет, не все.

Те, что были на лице, являли собой лишь пролог к драматической истории его увечья.

Возможно, она способна выносить жуткое зрелище, сидя в дальнем углу комнаты, или в полутемной карете, или даже за обеденным столом, но вблизи, на брачном ложе, когда он раздет, при свете – невероятно. Первая и последняя женщина, которой он позволил видеть себя во всей, так сказать, красе, дала это понять с болезненной ясностью. Воспоминание о том случае язвило и жгло, как отравленный наконечник стрелы.

«Как я могу лечь с... таким?»

Действительно, как?

Эш не испытывал желания повторить этот опыт, и не только потому, что пытался уберечь свою гордость. Сейчас речь шла о том, чтобы сохранить его род. Он не мог позволить себе отпугнуть Эмму, не мог рисковать, предоставляя ей еще один повод увильнуть от выполнения договора. Мужчине полагается одна жена. Если она не подарит ему наследника, его род угаснет. По крайней мере, достойная его ветвь, где нет безнадежных идиотов.

– Я здесь, – позвала она.

Эш пошел на звук ее голоса, запнулся о край ковра, но подошел к постели более или менее невредимым. Дернув за пояс халата, развязал узел и освободился от одежды, отбросив халат в сторону.

Сев в изножье кровати, он протянул руку, чтобы нащупать, какую часть ее тела сможет ухватить. Нелегкая это будет задача – лишиться невинности девственницу практически в полной темноте. Наверное, следовало бы заранее выработать некую стратегию. Но теперь поздно. Эш шарил по чему-то мягкому – кажется, это было стеганое одеяло, – пока не нащупал что-то похожее на ее ступню. Обнадеживающий знак. Его рука двинулась выше, исследуя ногу.

Икра ноги оказалась несколько толще, чем он предполагал. Наверное, Эмма была из тех женщин, которые ниже талии заметно полнее, чем в верхней части тела. Ему-то было все равно. Рост, формы – женское тело предстает во многих обликах, и он не видел причины сетовать на разнообразие.

Его ладонь нашла знакомое закругление колена, потом бедро. Он точно приближался к цели. Его чресла напряглись.

Эш растянулся на постели подле Эммы – так было проще продолжать исследование. Попытался сказать что-нибудь ободряющее, проводя ладонью по округлости бедра и далее, пока не обнаружил край одеяла. Но в этот момент его голос был явно не способен на воркующие интонации. Годы сдерживаемых страстей и воздержание сделали свое. К тому времени, как он нащупал край одеяла и начал стаскивать его вниз, его тело пришло в боевую готовность очень высокой степени.

Он стянул вниз стеганый атлас и приготовился к тому, чтобы положить ладонь на тонкую ткань ее ночной сорочки. Он как будто стрелял из лука с завязанными глазами. Нельзя было заранее угадать, куда попадешь. Эш был бы рад нащупать плечо, живот, но больше всего надеялся найти грудь. Судьба задолжала ему эту малую удачу.

Он жаждал возрадоваться первому настоящему контакту.

Но ничего не произошло. Вместо сорочки и трепещущего женского тела его рука коснулась... шерстяного одеяла. Ничего страшного. Просто придется снять еще один слой.

Он стянул одеяло и повторил попытку. На этот раз его рука наткнулась на толстое пуховое одеяло. Неудивительно, что ее нога показалась ему такой толстой, как ствол небольшого дерева.

– Сколько же у вас одеял? – спросил он, пытаясь найти край.

– Только пять...

– Пять? – Он отшвырнул пуховое одеяло, не в силах больше церемониться. – Вы хотите меня истощить, прежде чем я приступлю к делу?

– Мне было холодно. А вы еще и камин загасили.

– Кажется, вы затеяли со мной злую игру. Может статься, снимая одно одеяло за другим, в конце концов я найду только пару подушечек для булавок да метлу?

– Осталось последнее одеяло. Позвольте, я сама.

Рядом с ним зашелестела ткань. Это было для него сущей пыткой. Отчаянно хотелось поскорее оказаться внутри. Он представлял, как она лежит под ним, обнаженная. Ее ноги смыкаются на его талии, спина изгибается в экстазе.

«Брось фантазии, – одернул он себя. – Такого не будет. Ни сегодня ночью, да и вообще никогда».

– Я готова, – шепнула Эмма.

При звуках ее низкого голоса его пронзила дрожь. Помогите ему Господь.

Протянув к ней руку, на этот раз он нашел то, что искал. Ее. Эмму. Жену. Ладонь легла не на грудь, как понял он с некоторым разочарованием, а на талию. Что ж, тоже хорошо.

Эшбери скомкал в кулаке тонкую ткань ее сорочки. Снимая сорочку – осмелился поднять подол только до талии, – он чувствовал, как у него перехватывает дыхание.

Его ладонь скользнула ниже, погладив обнаженное бедро, – он беспомощно застонал. Господи, ему хотелось касаться ее везде: нежной кожи на запястьях, губ, волос.

Ее волосы. «Интересно, – подумал он, – распустила ли она волосы?» Можно ли ему прикоснуться к их темному шелку так, чтобы пальцы запутались в тяжелой массе?

Безрассудная мысль, решил Эш. В темноте сегодняшней ночи он скорее всего попадет пальцем ей в глаз.

Его рука двинулась к ее женскому средоточию. Когда пальцы коснулись интригующих завитков волос, Эш обругал себя. Хотел ведь принести масло,

чтобы облегчить продвижение внутрь. Но отступить и возвращаться за маслом было нельзя.

Одному богу известно, сколько одеял она на себя натянет к тому времени, как он вернется. Тогда Эш сунул два пальца в рот и смочил слюной, затем раздвинул ее бедра. Эмма судорожно вздохнула.

Стиснув зубы в попытке сдержать себя, он сосредоточился на той задаче, что была, так сказать, под рукой. Его пальцы двигались вверх и вниз. Ее дыхание участилось – от страха, не сомневался он.

– Вы понимаете, что сейчас произойдет? – запоздало поинтересовался Эш охрипшим от страсти голосом.

Он почувствовал, как она кивнула в темноте.

– Да.

– Я постараюсь быть осторожным. А если не получится, закончу поскорее.

Раздвинув складки плоти, он нажал вторым пальцем. Сначала самым кончиком, затем на несколько дюймов дальше в ее жаркую глубину.

Проклятье. Гори все в аду. Господи Иисусе.

И все прочие богохульства, за которые в юности он получил бы жестокий нагоняй, если бы осмелился это произнести.

Она была очень горячей и очень напряженной. Ее дыхание все учащалось – казалось, Эмма задыхается. Черт, он настоящее чудовище! Она вне себя от тревоги, может быть, от страха, а он изнемогает от вожделения. Забылся в инстинктивном желании попробовать ее на вкус, а потом обеими руками сжать бедра и ринуться в атаку.

Если этого не произойдет в ближайшие секунды, он рискует пролить семя на одеяла, и сегодняшние труды окажутся напрасными.

Второй его палец оказался внутри, поглаживая и подготавливая путь. Но готова ли Эмма? Он вынул пальцы до кончиков, потом вонзил, целясь как можно глубже. Она вскрикнула от неожиданности, ее бедра подались назад.

- Пожалуйста... - Ее срывающийся голос проник сквозь туман сладострастия.

Эш немедленно убрал руку. Хватая воздух ртом, приподнялся на локте, сел.

- Простите.

Нашарив халат, просунул руки в рукава. Судя по тому, что ткань едва прикрыла его ягодицы, когда он встал, Эш догадался, что надел халат неправильно.

- Ничего страшного, - сказала Эмма. - Честно. Мы можем продолжать.

- Нет. Я был слишком настойчив и тороплив.

Он подумал, что неплохо бы найти свечу, но оставил эту затею. Его глаза почти привыкли к темноте, и он смог найти путь до двери.

- Но...

- Подождем до завтра.

Он открыл дверь, вышел и прикрыл дверь за собой. Несколько раз глубоко вдохнул, чтобы обрести душевное равновесие. Но, сделав первый шаг вперед, обнаружил, что что-то держит его сзади.

Проклятье. Пола халата зацепилась за ручку двери. Он стукнулся головой о дверной косяк. Неужели брак делает всех мужчин такими глупцами? Или он один такой дурак? Эш повернул дверную ручку.

- Вы передумали? - спросила Эмма.

- Нет, - ответил он, защищаясь. - Я вернулся, чтобы сказать вам, что не передумал.

– О-о?..

– Вам не нужно бояться, что я вернусь сегодня.

Он захлопнул дверь, чтобы не слышать ее ответа, но ее голос настиг его в коридоре:

– Как скажете.

Свое неудовлетворенное желание Эш вынес из дома в ночь. Он приготовился было облегчить свое состояние посредством руки, однако мысль об этом показалась ему мерзкой. Единственным достойным выходом было измотать себя долгой прогулкой.

Герцог держался боковых улиц и переулков, проходил задними дворами – воротник пальто поднят, шляпа надвинута на самые брови. Мало-помалу напряжение в паху отпустило. Однако ее «пожалуйста» не давало ему покоя.

«Пожалуйста...»

Он сразу же пошел на попятный, поскольку не знал, знак ли это наслаждения или боли. Ее срывающееся дыхание намекало на первое. Но такого же никак не могло быть!

Во-первых, Эмма была невинна. Во-вторых, она была дочерью священника. В-третьих, она была невинной дочерью священника. И в-четвертых, он чудовище с жуткими шрамами и дурным нравом. Пусть даже фантастически богатое чудовище, которое вынудило ее выйти замуж по расчету, не дав себе труда хоть немного за ней поухаживать.

Должно быть, он сделал ей больно, или напугал, или – что было унижительнее всего – показался ей отвратительным.

В лучшем случае он был слишком настойчив: лез напролом, не считаясь с тем, что для нее это в первый раз.

Эш не пропускал возможности пнуть все камни, что встречались ему по дороге, пока не уперся ногой во что-то мягкое. Он не стал останавливаться и проверять, но теперь ограничивался тем, что тыкал в препятствия тростью.

Ему следовало пересмотреть свой план. В постели действовать медленно, пусть даже ожидание стало бы для него пыткой. Если он будет слишком напорист, слишком скор и она замкнется, тогда все будет напрасно. Он не оставит законного наследника, и отцовское наследство пропадет после его смерти.

Об этом нельзя даже думать. Он не допустит, чтобы это случилось.

«Пожалуйста...»

Слово эхом отдавалось в его мозгу. По спине прошла дрожь нового возбуждения. Он мысленно встряхнулся.

«Она вздыхала вовсе не от наслаждения, болван!»

Это всего лишь его отчаяние, одиночество да измученное воздержанием воображение. Вот что заставляло его цепляться за призрак любви.

Он шагал мимо закрытых на ночь рядов Овечьего рынка, тростью отшвыривая со своего пути отбросы.

Трость угодила в кучу тряпья – куча тряпья зашевелилась, потом поднялась, превратившись в фигурку юной девушки. Без сомнения, семейство оставило ее на ночь возле лавки, чтобы приглядывала за товаром.

– Что надо?.. – Девушка подтянулась, принимая сидячее положение, протерла глаза и уставилась на него. Заморгала, силясь рассмотреть.

И вдруг завизжала так пронзительно, что вполне могла бы пробудить покойника.

– Не бойся, – сказал Эш. – Я не хотел...

Она замолчала, набирая в грудь побольше воздуха, и издала новый вопль, от которого заложило уши. Неподалеку зарычали и залаяли собаки.

– Успокойся, дитя. Я не собираюсь...

– Уходи! – Она лягнула его в ногу. – Уходи! Не трогай меня!

– Ухожу. – Он выудил из кармана несколько монет, положил их на дощатый прилавок и поспешно удалился. Стук его сердца был как удары колокола.

«Видишь? – корил он себя, убравшись подальше из злосчастного переулочка. – При моем появлении дети начинают кричать от страха. Собаки воют, будто я черт. Теперь ни одна женщина не станет добиваться моей любви... даже в темноте. Ни в парке при свете дня, если уж на то пошло, ни на море, ни на суше. Она тебя не хочет, Эшбери. Господи, какой же ты безнадежный идиот».

Где-то неподалеку зазвенело разбитое стекло. Он замер на месте, прислушиваясь. В том же направлении послышался грохот, потом грубый крик.

Эш нахмурился и быстрым шагом пустился в сторону источника шума. Трость держал наготове.

Из-за чего бы ни вышла потасовка, ему все едино. Зато, возможно, он найдет желанное развлечение.

Глава 8

На следующее утро Эмма заставила себя выйти в утренний салон. Похоже, именно этого от нее и ждали. Когда она вошла в залитую солнцем комнату, ее взгляду представились роскошная обивка с кистями и тесьмой, вазы с цветами... Но она направилась к самому скромному предмету обстановки салона – секретеру.

Отлично. Ей нужно написать письма.

Эмма присела к письменному столу, достала лист бумаги, сняла крышечку с чернильницы и обмакнула в чернила перо.

Ее первой заботой было послать записку, чтобы обнадежить мисс Палмер, однако Эмма не совсем понимала, как это сделать. Письмо, доставленное из Эшбери-Хауса, вызовет всеобщее недоумение, ведь о существовании герцогини Эшбери пока никому не известно.

И в дом к Палмерам приехать было бы неразумно. В глазах хозяев и прислуги Эмма была портнихой. Когда распространится новость о женитьбе герцога Эшбери, тогда, может быть... Но не сейчас.

Фанни? Да. Она напишет письмо и вверит его заботам Фанни. Пусть передаст его мисс Палмер, когда та снова появится в мастерской.

Когда с этим делом было покончено, Эмма взялась за другое послание.

Это письмо запоздало на шесть лет.

«Дорогой отец. Мы давно не говорили друг с другом...»

Так ли уж давно? Напротив, совсем недавно, судя по тому, как трудно дается ей это письмо.

«Дорогой отец. Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии...»

Эмма уставилась на строчку. Она столько раз желала ему покрыться язвами, что теперь не была уверена, уместно ли писать о здоровье. Очевидно, и вежливое приветствие не отвечало ее настроению. Она скомкала лист бумаги и начала заново.

«Отец. Помнишь ли ты тот день, когда мы виделись в последний раз? Если нет, позволь напомнить. Ты выгнал меня под дождь, отлучив от родного дома, и сказал, что ни один приличный мужчина не захочет меня знать. Что ж, имею некоторое удовольствие сообщить вам, сэр, что вы жестоко ошиблись. Я все же

понадобилась кое-кому, и этот кое-кто – герцог».

Эмма снова засомневалась. Действительно ли она так уж нужна герцогу? Ведь брак у них исключительно по расчету, не более того. Ему только и нужно, что спать с ней.

Ее мысли обратились к неудачной попытке скрепить брак в первую ночь. Предполагалось, что это будет формальный акт, но его прикосновения были ласковыми, деликатными, его руки рассказывали совершенно другую историю, нежели грубые, циничные слова. И она отвечала ему, пусть и невольно...

Эмма так давно была одинока. У нее никого не было. Ничьи руки ее не касались.

Она ждала.

И герцог пробудил ее желания. Но в тот миг, когда она была готова уступить, он почему-то остановился. Похоже, ее реакция шокировала его или по меньшей мере вызвала неудовольствие.

Может быть, она вовсе ему не нужна. Или он не хочет иметь страстную жену, которая не побоится выказать свои желания, а это лишь подтверждало отцовское суждение.

«Тебя не захочет ни один приличный мужчина».

Грустно.

Да, их брак заключен по расчету. Да, она решила, что ее глупое, беспокойное сердце здесь ни при чем. И все же Эмме так хотелось немного близости! Ибо те долгие годы, что она жила одна, она тосковала по человеческому теплу. А теперь до конца своих дней связала себя брачными узами с человеком, который не желает настоящей близости. И бедняжке стало так одиноко, как никогда прежде.

«Не убивайся преждевременно, Эмма! Это была всего-навсего первая ночь. Ничего страшного, что вышло неловко. Со временем все наладится».

Серия странных звуков прервала горестные размышления Эммы. Она вскочила из-за письменного стола. Наверное, это кошка облюбовала диван или кресло, о которое вздумала точить когти. Если так, то это сущий дар небес. Вот и найдется Эмме занятие: менять порванную в клочья обивку.

Эмма пошла на звук, понемногу догадываясь, что вряд ли это кошка. Тихие шлепки и приглушенное ворчание доносились из-за массивной двойной двери.

Она осторожно приблизилась к двери и прислушалась.

- Ну право же, Хан. - Это был голос герцога. - Постарайся хоть немного.

- Я стараюсь, ваша светлость.

- Значит, старайся лучше. Теперь твоя очередь принимать.

Эмма приоткрыла дверь на несколько дюймов и заглянула внутрь. Она обнаружила огромное открытое пространство: наборный паркет на полу, на стенах портреты в рост предков герцога, великолепная лепнина на потолке и люстры.

Поперек этого роскошного бального зала была натянута грубая сетка. Двое мужчин - герцог и его дворецкий - стояли лицом друг к другу, каждый на своей половине.

Герцог взмахнул ракеткой и перебросил через сетку оперенный кусок пробки.

Хан, который заметил появление Эммы, оставил волан без внимания, за что и был наказан - волан угодил ему точно в лоб.

- Все же есть предел! - Герцог угрожающе затряс ракеткой. - Уж этот удар ты никак не должен был пропустить.

Но Хан хозяина не слушал. Зато отвесил поклон в сторону Эммы.

- Доброе утро, ваша светлость.

Герцог поспешно обернулся, по-прежнему держа ракетку под угрожающим углом. Оглядел с головы до ног жену.

– Вы?

«Хорошенькое приветствие! Спокойно, Эмма».

Она вошла в зал.

– Я думала, вы пошутили насчет бадминтона.

– Нет, я не шутил.

– Я теперь вижу.

Выждав минуту, Эш махнул в сторону двери.

– Ну? Разве вам нечем заняться? Идите завтракать. Посоветуйтесь с экономкой – вы хозяйка дома. Сделайте, наконец, что-нибудь причудливое с волосами.

– Я уже выполнила первое и второе, а третье, с вашего позволения, делать не стану. Так что сейчас мне действительно нечем заняться.

– Вот и прекрасно, – вмешался Хан и направился к Эмме. – Держите вот это. – Он с нажимом вложил ракетку в ее руку и, прежде чем скрыться за дверью, успел прошептать: – Спасите. Меня.

– И куда же ты надумал скрыться? – поинтересовался герцог.

Дворецкий обернулся уже в дверях.

– Точно не знаю, ваша светлость. Наверное, сделаю что-нибудь причудливое с волосами. – Поклонившись, он закрыл за собой дверь и был таков.

Герцог крикнул ему вслед:

– Я урежу тебе жалованье за эту выходку, трус!

В наступившей тишине Эмма разглядывала ракетку в своей руке.

– Похоже, Хану не очень нравится играть в бадминтон.

– Зато ему нравится иметь постоянную работу. Мы упражняемся трижды в неделю. Мужчина должен поддерживать себя в хорошей физической форме.

Физическая форма! Да. Одного взгляда на герцога было достаточно, чтобы убедиться, что до ранения он был очень активным человеком. Такие плечи и ноги не формируются за одну ночь. Когда он нагнулся, чтобы подобрать волан, Эмма восхитилась очертанием его спины. Такой спины не бывает у того, кто сидит сиднем.

Герцог выпрямился – и Эмма поспешно отвела взгляд.

Вот незадача. Он снова поймал ее на том, что она его разглядывает. И снова он понял ее совершенно превратно.

Это не из праздного любопытства, пыталась оправдать себя Эмма. Просто профессиональная привычка. Разбираться в тканях и нитках – это лишь часть работы портнихи. Ключом к успеху является знание, как двигается под одеждой тело, как сочленяются суставы, как напрягаются и тянутся мышцы. После многих лет практики Эмме было достаточно одного взгляда на человека, чтобы представить его совершенно без одежды. А когда видишь человека, самим Богом наделенного такой прекрасной фигурой, к тому же доведенной упражнениями до совершенства, искушение слишком сильно, чтобы ему противиться.

Только как все это объяснить?

«Ах, извините. Я тарасилась на вас не потому, что вы такой страшный с виду. Просто я мысленно вас раздела».

Да, прекрасное вышло бы объяснение. В самый раз для герцогини.

Герцог тем временем убрал снаряжение и потянулся за шляпой.

– Мы... – заставила себя сказать Эмма. – Мы могли бы сыграть – вы и я.

Эшбери недоверчиво взглянул на нее.

«Он уважает тех, кто бросает ему вызов», – вспомнила она. Однако в испытующем взгляде, который он устремил на нее, Эмма не увидела и намека на восхищение. Но раз уж она предложила...

– Я обожаю бадминтон! – Эмма попыталась непринужденно, точно заядлая спортсменка, крутануть ракетку в руке, но ракетка упала, ударив ее по пальцу ноги. Она прикусила губу, чтобы не вскрикнуть от боли. – Ой! Я сегодня такая рассеянная.

С преувеличенным достоинством, какое только могла изобразить, Эмма подняла ракетку и переместилась на другую половину зала, пройдя пригнувшись под сеткой.

– Начнем? – Она с вызовом улыбнулась.

– Отлично. Давайте сыграем на интерес.

– Как вам угодно. И какой же будет мой фант?

Эмма наострила уши. Кажется, в подобных случаях проигравший исполняет какое-нибудь глупое задание: поцелуй или две минуты отсиживается в запертом шкафу.

– Если я выиграю, вы изволите оставить меня в покое. Я уже сделал вам уступку насчет совместных обедов и не потерплю дальнейших поползновений на свою свободу. Титул герцога, знаете ли, предполагает массу обязанностей.

Ага, в том числе игру в бадминтон. Это, конечно, важнее, чем проводить свободное время с женой.

– Отлично! – воскликнула Эмма, уже готовая вспылить. – Но если выиграю я, вы изволите общаться со мной, имея хоть толику уважения.

– О, какие могут быть претензии? Толику уважения я вам уже оказал.

– Я хотела бы толику побольше. – Эмма задумалась. – По-вашему, толика – это сколько?

– Нечто среднее между каплей и крошкой. Мне так кажется.

– Тогда я требую кофейную чашечку.

– Кофейную чашечку?

– Две чашки. Ах нет! Я требую полную кружку уважения.

Герцог покачал головой.

– Да вы просто жадина.

– Я – жадина?! Я же вижу: в ваших глазах моя привлекательность блекнет по сравнению с воланом для бадминтона или с графином бренди. Но я ваша жена, женщина, которая должна стать матерью вашего ребенка.

Подумав, он сказал:

– Спорить нет смысла. Вы же все равно не выиграете.

– Вот, значит, какого вы обо мне мнения.

Пусть ей не выиграть сегодня в этой дурацкой игре, но Эмма решила, что постепенно добьется победы. Итак, сражение начинается – здесь и сейчас.

Герцог взял ракетку и волан, занял позицию у сетки и неуловимо-быстрым движением запястья отправил волан поверх головы Эммы, прежде чем она успела пошевелиться.

- Отличный удар, - сказала она. - Очко в вашу пользу.

- Это не было подачей. Я просто перебросил вам волан. Первая подача должна быть за дамой. Вот вам ваша толика.

- Ну разумеется! Спасибо, мой дорогой. - Неуклюже замахнувшись ракеткой, Эмма умудрилась отправить волан... прямым в сетку.

На сей раз была очередь герцога застыть в ошеломлении в центре поля.

- Как вы меня назвали?

- Я назвала вас «мой дорогой». Вчера за обедом мы договорились, что я как-то должна к вам обращаться. Я отказываюсь говорить вам «Эшбери» или «герцог», а вам не понравились обращения «дорогой супруг», «милый», «любимый». - Эмма махнула ракеткой в направлении лежащего на полу волана. - Полагаю, теперь ваш черед, дорогой мой.

- Я не ваш и не дорогой. - Он отправил волан в полет могучим ударом слева.

Но Эмма, к собственному изумлению, сумела подставить ракетку под падающий волан и отбить его.

- Не уверена, что здесь решаете вы.

- Я герцог. Я все решаю.

Следующая беспомощная попытка с его стороны - следующий неуклюжий, отчаянный мах с ее стороны. На этот раз она промазала.

- Это вопрос личный, кто кому дорог. - Эмма даже слегка запыхалась, поднимая упавший волан. - Если я решила, что вы мне дороги, то тут уж ничего не поделаешь.

- Очень даже поделаешь. Я могу отправить вас в заведение для умалишенных.

Она пожала плечами:

- Как вам будет угодно, ангел мой.

Он угрожающе выставил вперед ракетку.

- Давайте-ка сразу проясним кое-что – вы и я. Вы, по-видимому, замыслили некий план неслыханной доброты, чтобы исцелить мою израненную душу. Но вы зря тратите время. Своим крутым нравом я обязан отнюдь не ранению, и его не исправят волшебным образом ни доброта, ни ласковые прозвища. Я ясно выражаюсь? Не питайте иллюзий, будто это шрамы превратили меня в язвительное злобное чудовище. Я всегда был – и останусь – язвительным, злобным чудовищем.

- И у вас всегда была склонность к пространным монологам?

Он взвыл.

Следующая подача вышла у Эммы неудачно – волан едва не чиркнул по полу, – но она уже научилась получать удовольствие от игры.

- Меня зовут Эшбери. Так меня называли с тех пор, как умер отец. Никто не обращается ко мне по-другому. Я уже говорил вам это.

- И я уже сказала вам, что я – ваша жена, то есть та единственная, кто имеет право звать вас как-то иначе. У меня есть такое преимущество.

Говоря о преимуществе, Эмма уже потеряла счет проигранным ею очкам.

Эш взмахнул левой рукой, отправляя ей волан, и Эмма заметила некоторую заминку в его движении. Он даже слегка поморщился. Возможно, основанием для тренировок – три раза в неделю – была не скука, а попытка восстановить подвижность раненой руки. Если так, его ранение куда серьезнее, чем изуродовавшие лицо шрамы.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/tessa-der/hotite-byt-gercoginey>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)